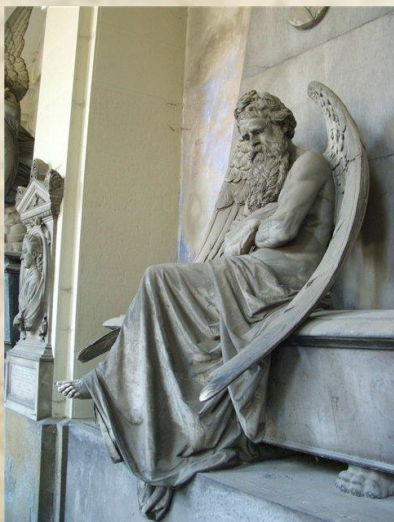

18. ХРОНОС

*Вечное Время, Гераклова сила благая!
В мыслях изменчивый Хронос, вестник воли бессмертных!
Все истребляя, ты снова растишь, умножая, и держишь
Несокрушимые цепи всего бесконечного мира.
Наш покровитель, вещатель коварных глаголов,
Отпрыск богини Земли и звездами полного Неба.
Всевдохновляющий нас на свершения, муз покровитель,
Родоначальник, живущий в любом уголке мироздания,
Мойрам наперсник и всяческой доливершитель,
Хитролукавый умом! Услышь умоляющий голос,
Жизни счастливой пошли, о благой, и благу кончину!*

Орфический гимн Хроносу

- Ну вот! Как только собираем круг, так хоть сами становится все понятно! – заявила Эвтерпа.
- Что тебе опять стало понятно? Почему все парни до твоего баритона говорили, что ты больше никому не нужна? – поддела ее Клио.
- Нет, вы слышите, что говорит та, которая у нас за героев отвечает? – возмутилась Эвтерпа. – Это вообще-то я должна у тебя спросить, почему нынче такие герои... третьего отжима.
- И не говорите, девочки, - вдруг откликнулась Урания, - Не герои, а дешевки какие-то! Я в своем банке на таких героев насмотрелась... Потные, лживые, хихикают гадко... Тащат деньги у жены, у тестя, из бюджета, из товарищеских касс... Это нас называется «спасти деньги». Людей они не спасают, они деньги спасают! А зачем им деньги, если людей не останется?
- Так, а пусть наша младшая продолжит! Она круг начинала, ей что-то стало ясно, - вступилась за Эвтерпу Каллиопа.
- Вы мне никогда сказать не дадите! – обиделась Урания.
- Да кто тебе-то не дает? – возмутилась Эвтерпа. – Это вы все мне каждый раз орете «Заткнись!»
- Ты что-то хотела сказать, - напомнила Урания, и все поняли, что она обидчиво поджала губы.
- Да хотела, - подтвердила Эвтерпа. – Только я забыла уже, что хотела сказать!
- А я, кажется, поняла, - сказала Каллиопа. – Мы до этого переживали, что вступимся за младших муз, а все получится для нас вполне обычно. И, не скрою, вначале я не видела никакого смысла вступаться за младших, бросая свои темы, свои планы, прославляя на своих ресурсах не себя-любимых, а тех, кто получает за свое искусство деньги. Зная, что с нами они не поделятся, а если у них получится все хорошо, так они и нашего общества стыдиться начнут, бессовестных подпевал возле них достаточно. Я даже отказалась писать про этого Игнатенко, который признался перед журналистами...
- Но он же это сделал без адвоката! – заволновалась Эвтерпа. – Вы же сами говорили, что его сломали, что ему, очевидно, подсунили липовые записи телефонных переговоров... И его точно Мылин оговорил! Вот, читаете!

Становятся известны подробности расследования нападения на художественного руководителя театра и того, как именно солист балета Игнатенко был следствием назван организатором этого покушения. Источник, близкий к следствию, сообщил, что на первом допросе Мылина в больнице, кроме премьера театра Николая на допросе Мылин также упоминал Игнатенко. Первый ему открыто угрожал и намекал о готовящемся «сюрпризе».

Напомним, сейчас Игнатенко, а также исполнитель нападения на Мылина и его сообщник находятся под стражей.

До этого Мылин откровенно поведал, что перед отъездом в Германию он вполне прямо сказал, кто, собственно, мог устроить ему такую гадость. Арест Игнатенко, полностью ответивший всем его «смутным сомнениями», – вызвал возмущение всей балетной труппы, написавшей письмо в защиту Александра.

- Я видела эту ссылку, - ответила Каллиопа.
- Я понимаю, что тебе опасно за него заступаться, - сказала ей Урания, - Но мне его очень жалко! И ты должна помнить, что тебя саму друзья не оставили, когда тебя...
- Вот именно! Меня не оставили друзья, - подтвердила Каллиопа. – Поэтому я и сказала тенору из Праги, что пока за него не вступятся его друзья, я пальцем не шевельну. И они написали! На следующий день! И под письмом в его защиту подписалось триста человек!
- Это же здорово! – крикнула Эвтерпа.
- Это еще не все! Теперь мы знаем, кто у нас Талия, - усмехнулась Каллиопа. – Его девушка, ученица нашей Мельпомены! Сегодня в Фейсбуке она опубликовала письмо от Игнатенко.

Уважаемые друзья, коллеги, люди, которые поддерживают нас в такую трудную минуту!!! Это обращение Саши к вам!!!

"Я нахожусь в полной изоляции, в нашу камеру запрещают носить газеты, выключают радио, но сегодня я услышал, что более 150 артистов (видимо, самая первая информация) подписали письмо в мою защиту. Это придало мне столько сил, что я готов бороться дальше!! Я пишу и еле сдерживать от слез, не потому что мне страшно сесть с тюрьму (я уже сижу), а потому что мне до слез приятно, что вы меня поддерживаете и не забываете! Что касается распространения информации в СМИ, не верьте никому!! Я не заказывал Мылина обливать кислотой, это не мужской поступок!! И я бы никогда этого не сделал бы, тем более я это не оплачивал!!! Я никогда в жизни ничего не боялся, не боялся говорить правду в лицо начальству и даже сейчас не боюсь! Не смотря на то, что люди пытаются выжать из этой ситуации максимум. Сейчас я не могу писать более подробно, мне надо со многими вещами соглашаться...вам все потом расскажу...Спасибо миллион раз за то, что ВВІ не побоялись сказать слово в мою поддержку. Обнимаю вас и люблю. Ваш коллега, Саша.

- Значит, его били и пытали! – мрачно отметила Клио. – Поэтому и приходится соглашаться, чтоб не придушили.
- Да уж вестимо! – согласилась Урания. – Как же не поглумиться над человеком! Он в телевизоре весь в синяках стоял, смотреть страшно!
- Вспомнила! – заявила Эвтерпа. – Я вспомнила, что мы собрали круг грустными мыслями! Что нам и слова доброго никто не скажет. А круг замкнулся на словах о справедливости, о том, что мы должны пробудить в людях справедливость, несмотря ни на что. Иначе ведь мы свое предназначение не выполним.
- Должны всем останемся! – съязвила Урания.
- Ну, типа того, - поддакнула ей Эвтерпа. – Мы должны младших муз воспринимать не людьми, а музами, которые у всех на виду. Они же на сцене главного театра страны, они выходят на экраны телевизоров, а мы их поддержим за сценой как бы.
- И все же, девочки, хотелось бы обрести более осязаемую веру в справедливость и лично для себя, - заявила Клио. Просто написанием статей, за которые другим платят большие деньги, веру в справедливость не обрести... Хотя, такие моменты, как этот обмен малявами артистов театра – в жизни очень нужен. Да, не все решают деньги, нужны такие потрясения.
- Согласна! – вставила Урания. – Я отмечаю каждую денежку наговором, в особенности те, что уходят в гнездилище гарпий, в офшоры Кипра, как и договаривались. Но даже если там все сгорит синим пламенем, мне это, возможно, принесет некоторое облегчение, но полного удовлетворения – никогда!
- Как я поняла, мы выступаем? – спросила Клио. – Может быть, со временем что-то поменяется?

- Вопрос о времени не ко мне! – ответила ей Каллиопа. – Кстати, мы просили тебя рассказать о времени. Ведь это ты воплощаешь музу на колеснице времени! Я лишь в «Римских вопросах» Плутарха встретила интересное толкование общности муз и Геркулеса. На вопрос «Почему у Геркулеса и Муз общий алтарь?», он, как всегда, ответил вопросом.

Не потому ли, что Геркулес, как сообщает Юба, обучил грамоте людей Евандра, а обучать друзей и родственников считалось тогда делом почетным. Ведь только гораздо позже стали брать плату за обучение, и первым, кто открыл грамматическую школу, был Спурий Карвилий, вольноотпущенник того Карвилия, который первым в Риме развелся с женой?

- И что он такое сказал? Вы вообще сейчас о чем сказали? Просто так? – засыпала ее вопросами Эвтерпа.

- Ты почище Плутарха наловчилась вопросы задавать, - недовольно заметила Каллиопа. – Плутарх говорит, что Геракл и музы всегда имели общий алтарь. Он высказывает предположение, что это связано с тем, что Геракл обучал людей чтению. Безвозмездно. Как музы, дорогая Урания! Безвозмездно! И даже никого при этом не убил.

- А чего как только, так сразу Урания? – обиделась Урания. – Я вообще-то за тебя переживаю, это же тебя с работы выгнали, кстати, преподавательской. А ты там тоже никого не убила, прямо как Геракл. Они даже не представляют, какие у тебя потрясающие педагогические способности!

- Я думаю, общий алтарь с музами Геракл имел не из-за своего педагогического стажа, - сказала Каллиопа. – Дела в том, что Геракл является человеческим воплощением самого Хроноса, времени. Он, казалось бы, ничего не достиг при жизни и совершил массу бессмысленных с обыденной точки зрения подвигов.

- Ну, как это бессмысленных? – удивилась Эвтерпа. – Я уверена, что все эти чудовища очень мешали жить людям.

- Да, это полностью в русле наших недавних рассуждений, - засмеялась Каллиопа. – Зачем побеждать гарпий в главном театре страны, если нас туда все равно на работу не возьмут?

- А это, между прочим, подрывает мою веру в справедливость! – вновь встряла Эвтерпа. – Какая Никифорова пресс-секретарь? У нас Урания знает оперу гораздо лучше ее! А ведь она бухгалтер-аудитор, банковский работник! Я тоже достаточно продолжительное время с их солистами даже концерты вела. А уж лучше вас с Клио никто не справится со строительной и хозяйственной частью не справится. Но разве мы хуже этого Мазепова сделали бы сайт театра? Да у нас бы вся страна по ночам оперы и балеты в кинотеатрах смотрела!

- Да, Геракл вот тоже всех победил, а правил совершенно несправедливо его ничтожный сводный брат Еврисфей, - ответила Каллиопа. – Но не он, а Геракл остался в веках! Время всему выставило свою цену. А Геракл – как само время, которое всех победит и каждому определит цену. А теперь пусть Клио расскажет о тех часах, которые постоянно таскаются за Эвриале.

- А почему это я? – растерялась Клио.
- А потому, что я их почти не помню, - ответила Каллиопа. – Я их видела один раз в какой-то коммунальной квартире. Они говорили намеренно под музыкальную шкатулку, почти ничем себя не проявляли. А в последний раз... была не совсем, как стеклышко.
- О! Сейчас бы вы их не узнали! – заметила Эвтерпа. – Сейчас они такое вытворяют!
- Помолчи! – одернула ее Урания.
- Постараюсь быть краткой, - прокашлялась от волнения Клио. - Начнем с того, что мы – музы своего времени, наши мысли, чувства, выпадающие на долю испытания – неразделимо связаны со временем. Наша задача, восстановить связь времен. Древние философы говорили, что человеку по-настоящему принадлежат только три вещи: душа, тело и время. Во всех мифах говорится, что до начала творения не было времени – «как не было верха и низа, как не было того, что существует, и того, что не существует».
- Цицерон сказал: «И в мыслях даже не вмещается, чтобы было когда-нибудь время, когда никакого времени не было», - добавила Эвтерпа.
- У меня это тоже не очень помещается, - призналась Клио. – Время - одно из трёх первоначал, из которого появились огонь, пневма и вода. Время – как начало всех процессов изменения. Что-то измениться может лишь во времени или со временем. Поэтому роль музы истории еще и в том, чтобы не позволять вносить изменения задним числом, переписывать историю, приписывая кому-либо заслуги не по праву или грехи не по справедливости. И все это делается, чтобы вынести из времени ложные уроки истории.
- А зачем это надо? – поинтересовалась Урания. – Ведь прошлого уже нет, как еще нет будущего.
- Все исключительно точно совпадает с нашим назначением! – пояснила Клио. – Мы должны пробудить в людях лучшие чувства, помочь им выстоять в жизненных невзгодах и изменить мир к лучшему. И при этом душа человека должна быть открыта всему миру. А те, кто начинает переписывать историю – вносит несправедливость в настоящее. Ведь больше всего человеческая душа страдает от несправедливости. При этом они делают все в точности так же, но... только для себя.
- Помочь только себе преодолеть невзгоды, изменить только свой мир к лучшему? – попыталась развить ее мысль Эвтерпа. – Но это означает, что они из общего мира выделяют свой мирок, изолируют его от общества...
- И от своего времени! – закончила Клио.
- Главная мысль любого эпического произведения - это борьба Добра со Злом, - сказала Каллиопа. – Как ни крути, а это всегда так. Лорд Честертон вывел замечательную аксиому: «Добро – всегда добро, даже если ему никто не служит. А зло – всегда зло, даже если все кругом злы». В каждый конкретный промежуток времени добро и зло имеют какие-то свои выражения. Если на счет добра, блага, в принципе, все понятно, то зло подстерегает нас в разных обличьях. Оно рядится в идеологии, в ярлыки и штампы, каждый раз утверждая, будто именно они определяют «наше тяжелое время» или «переходный период», по сути, безвременье. Но по своей природе любое недоброе намерение включает в себе желание остановить время. Это как в сказке, когда зима наступила, но время остановилось, и Рождество никак не может наступить.
- Значит, все, чему мы противостоям, связано со временем? – уточнила Урания.
- А тебе ли это не знать? – рассмеялась Эвтерпа. – Говорят же: «Время – деньги!»
- Ну, помните Безумного Шляпника и Мартовского Зайца из «Алисы в стране чудес»? – спросила Каллиопа. – Они убивали время, и оно на них обиделось. Наверно, все эти сказки о поисках бессмертия и вечной жизни, - тоже попытка изолироваться от времени. А свое время человек должен потратить с пользой, а не пытаться от него уйти. Вспомним последний, двенадцатый подвиг Геракла! Он добыл золотые яблоки бессмертия по приказанию своего никчемного брата Еврисфея. Но тот преподнес их своей покровительнице Афине-Палладе. Афина вернула яблоки гесперидам, чтобы вечно оставались они в садах, чтобы смертные знали, что бесконечного времени им никто не даст.

- Время именуется нестареющим Хроносом и изображается в виде юноши, ведь каждый день к нам приходит новым, юным, - продолжила Клио. - Но также оно зовется всепобеждающим Гераклом, но только этот мощный, умудренный опытом Геракл (или на римский манер Геркулес) держит в руках косу, он – Вечный Жнец.
- Да, сколько за день слышишь «пришло мое время» или «еще не время», не говоря об этих вечных заботах о будущем, - в раздражении заметила Урания. – А за всем этим стоит такое пренебрежение к людям, к жизни, к времени... Какой садизм: взять у своих современников средства и просто отправить из по заграничным банкам, заявляя, будто это для «будущих поколений россиян», а самим-то пока живущим хотелось бы что-то полезное оставить после себя, а не кучку обесценившихся бумажек! Правильно заметила Эвтерпа, все накопители депозитов считают, что лишь их жизнь бесценна, а с чужой жизнью, с чужим временем можно творить что угодно.
- Шекспир говорил, что время для разных лиц идет различно, - сказала Каллиопа. – Значит, для кого-то его можно ускорить, а для кого-то замедлить. В принципе, это ведь чисто литературный принцип. У кого-то приключения, но они потому и интересны, что время там включает множество событий.
- Я знаю, это нынче называется «экшн», переводится как «действие», - пояснила для всех Эвтерпа.
- Бывают «герои своего времени», - вставила Клио. – Только они все... ненастоящие.
- Самозванцы! – поддакнула Урания.
- Вот-вот, - согласилась Каллиопа. – Значит, мы определились с героями нашего времени?
- Определились! – хором ответили музы.
- А я так и не могу определиться с финалом! – призналась Каллиопа. – Мне же надо к нему стремиться, а я не могу! Глупость какая-то крутится в голове.
- Какая? – с нескрываемым любопытством спросила Эвтерпа.
- Да меня просто достала песенка про гусей! – с раздражением ответила Каллиопа. – Стыдно признаться! Говорим о высоких вещах, а в голове все время зудит песенка: «Жили у бабуси два веселых гуся!»
- Это очень странно, - заметила Урания. – Причем здесь гуси?
- А я откуда знаю? – расстроено сказала Каллиопа. – У меня финал стал навязчивой идеей! Как теперь сочинять счастливый конец, если в голове эти дурацкие гуси? Как это вообще получилось?

* * *

- Как это вообще получилось? – тихо спросил удивительно прекрасный молодой человек у своей собеседницы в прокурорском кителе.
- Они вновь сидели на втором этаже в ресторане «Азия» на большой Дмитровке. На молодом человеке были белые джинсы и мягкая рубашка-поло нежного кремового цвета, оттенявшая ослепительно белую кожу лица.
- Агата Викторовна Келайно посмотрела на него сквозь полуопущенные веки и вновь опустила прекрасные миндалевидные глаза.
- Келайно, скажи, как это получается? – уже настойчивей спросил ее собеседник.
- Не знаю, наверно, мы упустили время, - тихо ответила она. – Даже когда все пошло по второму запасному варианту, чтобы зацепить парня Талии, за него опять уцепились все музы...
- Я говорю вот об этом, - сказал красавец, подавая ей распечатку с выделенными маркером абзацами.

Игнатенко рассказал, что объяснял Загоруйко, какие проблемы ждут его дочь в большом балете - большие нагрузки, интриги в театре, рассказал ему о том, как Мылин кричал в своем кабинете на Галину К., народную артистку СССР, как она плакала от «хамского поведения Мылина», а заступиться за нее было некому. Кроме того, Игнатенко поделился

подробностями конфликта Мылина с руководителем канцелярии балетной труппы Ларисой В. По его словам, худрук будто бы хотел поставить на ее место своего человека и поэтому свалил свои ошибки на прогоне на бедную женщину, за которую тоже некому было заступиться и которой в конце концов пришлось написать заявление об уходе. Игнатенко попросил Загоруйко передать Мылину коллективное письмо с просьбой предоставить финансовый отчет о кассе профсоюза. Сам Мылин мог письмо у него не взять. Он вообще болезненно воспринимал любые коллективные обращения, отвечая на них угрозами судебных разбирательств с подписантами и отстранения их от участия в балетных постановках.

- Загоруйко спрашивал у меня, почему же ты просто не дашь ему в морду? Я отвечал, что в этом случае Мылин добьется моего увольнения, а затем расправится с моими друзьями и гражданской женой, потому что он очень злопамятный. Я сказал ему, что мой способ борьбы - возглавить профсоюз, - рассказал следователям Игнатенко. - На это Загоруйко ответил, что тогда он сам «даст Филину по морде».

Ведущий солист театра заверил, что он долго отговаривал Загоруйку, объяснял ему, что это не его дело, просил «просто с ним поговорить», но тот стоял на своем: Мылина надо побить. По словам Игнатенко, он не воспринял угрозы своего знакомого всерьез.

- Я понимаю, пошли по запасному варианту, понимаю, - кивнул он головой, когда она прочла, поднимая на него глаза. - Почему все вдруг заговорили так, будто только что начитались сказочек Каллиопы? В деле множество нестыковок, ведущий обозреватель радио «Эхо столицы» сообщает, что дело выглядит настолько идиотским, потому что его организывают «дебилы и ушлепки». У Игнатенко не было денег, с какими-то натяжками сообщают, будто он дал Загоруйку пятьдесят тысяч... Ну, ты сама-то чувствуешь? - Что? - недоуменно подняла она на него свои темные глаза, поджав в досаде карминовые губы.

- Ты же только что читала этот текст! - начал раздражаться он. - Пятидесяти тысяч он не давал... Чувствуешь? Какие же вы все же бездушные твари, хотя этим мне, собственно, и импонируете. Здесь ведь нет главной детали, да? А она непременно выплывает. Я имею в виду, что Загоруйко вылил Мылину в лицо целую банку не кислоты, а мочи. И уж если быть точным, то не банку, а обрезанную литровую бутылку. Которую почему-то не нашли. Наверно специально не искали?

- Я не понимаю, о чем ты говоришь! - упрямо

повторила советник прокуратуры.

- Да все ты понимаешь! - презрительно бросил он. - С той минуты, как связались с этой историей, мы во власти ее фарса! Что, не понимаешь, что ли? Она издевается над нами! Один ушлепок едет на дело, но забыл электролит, другой изо всей силы делает вид, как ужасно у него обожжено лицо мочой. И выглядит это крайне дебильно. Не говоря обо всех других, ты это понимаешь? Мы все стали ее персонажами! Не исключая того, что она уже написала в своем

очередном опусе, как мы сидим в кафе и разговариваем.... Но знаешь, вот этого она точно не напишет!

С этими словами он красивым властным жестом подозвал молоденькую веселую официантку. Как только та подошла, он, предложив ей щедрые чаевые в папке с оплаченным счетом за ужин, попросил ее убрать пустые фужеры. Как только девушка протянула руку к фужеру, она словно застыла под его немигающим взглядом. Нежно проведя по ее маленькому запястью остро отточенным ногтем, он с удовольствием втянул затрепетавшими ноздрями аромат кровавой полоски на ногте, слизнул ее и подставил под руку застывшей девушки другой фужер. С гримасой легкого сожаления он провел по ее руке белоснежным пальцем и ранка на ее запястье затянулась. Побледневшая девушка, прижимая руки к вискам, отшатнулась от их столика и медленно пошла к административной стойке.

- Счет не забудьте! – крикнул ей вслед Гермес, подавая один фужеров Келайно.

- Мы попытались уничтожить Мельпомену сразу после передачи у Эрато, но что-то сорвалось, - тихо ответила она, отхлебывая теплую алую жидкость, от которой у нее сразу же порозовели щеки, а в глазах появился агатовый блеск. – Мне кажется, его кто-то предупредил. А в январе мы не смогли все организовать, потому что он дал интервью зарубежным корреспондентам!

- Дорогая, а почему Аэлло и ты собрали всех, включая меня, чтобы уничтожить Мельпомену после ареста и последующего «интервью» Игнатенко? – спросил Гермес тоном, в котором слышался треск льда перед самым половодьем. – Мы же едва ноги тогда унесли! Неужели было сложно проверить, что Талия и Мельпомена сидят у него в квартире не одни? Ведь это еще на обыске можно было выяснить!

- Ты же знаешь, что его просто необходимо уничтожить! – раздраженно проговорила Келайно.

- Он ходит с камеей по театру, а Окипете и Аэллопе приходится прятаться от него. Сколько можно? Его все равно надо убирать из театра!

- Аэллопа еще не поменяла лошадку? – спросил он, отлично зная ее ответ. – Пусть меняет! Ты же понимаешь, что после реализации этого чудесного плана – ей пора менять седло.

- Это произошло потому, что сразу не смогли покончить с Каллиопой! – откликнулась он, с сожалением отставляя фужер в сторону. - Ей нельзя было дать закончить ее дурацкие сказки! Ее надо было навсегда отучить писать!

- Ты не чувствуешь? Цепочка событий уже не у нас в руках! – нервно хрустя белоснежными пальцами, ответил Гермес. – Мы выстраиваем свою цепь, она ее соотносит с общей логической цепью всех возможных событий, а при этом выбирает ту, которая лучше всего соответствует нашим драгоценным ушлепкам и дебилам. Мы пытаемся приписать им значение, которое явно выше их действительных возможностей, а она определяет истинную цену.

- Ей нельзя было дать соединиться с Клио, отвечающей за логику, с Уранией, которая все подсчитает и всему определит цену. И эта Эвтерпа сейчас повсюду лезет! – сказала Келайно, растирая виски.

- Я думаю, что с Каллиопой раньше была совершена непоправимая ошибка, - ответил ей Гермес. – Я искренне наслаждался, как с ней разделалась Эрато на литературных конкурсах. На мой взгляд, это и был настоящий фарс, Каллиопе и крыть было нечем. Вместо нее выставили такое, что в сравнении с настоящей литературой является обычным фарсом, а она руками музыки была выставлена зарвавшейся графоманкой. Уголовное дело должно было прикончить обиженную жизнью провинциальную писательницу. Когда старик давал настрой всем, кто выступал против нее, там основной мыслью было: «Бабе под полтинник, а она в Интернете пишет!»

- Там никак не учитывалось изменение самого времени! – взволнованно проговорила Келайно. - Сейчас у каждого есть профайлы на рекрутинговые сайты, странички в социальных сетях, блоги! При обыске эти идиоты изымают у нее дискеты и лазерные диски, а рядом лежит огромный дисковый накопитель, они почему-то принимают его за тонометр для измерения давления! Давят ей выделенки, а то, что она живет рядом с вышкой мощного провайдера с конторой во Франции, им в голову не приходит!

- Это ты с ними возле мусоропровода разбиралась? – засмеялся Гермес.

- Ну, конечно! – подтвердила она. - Заставила их во второй раз включить камеру и изъять мощный роутер! Чтобы хоть как-то «перекрыть линию»! Ведь статьи «Огурцовой перекрыли линию» уже были готовы. Так они вышли, когда она уже свои ощущения описала! А они вошли к ней, потоптались... и решили вообще оттуда уходить! Они даже наркотики ей не подбросили, потому что источник заявил, что у нее в квартире два автомата, разобранная бузука, ящик с реактивными снарядами.

- Ты что, сразу не поняла, что начался фарс? – спросил Гермес, откинувшись на спинку стула.

- Нет, представь себе! – огрызнулась Келайно. - Ведь она должна была понимать, что это как бы против нее выступили чеченцы! Она должна была разбираться с ними! А мне ведь еще надо было все это организовать!

- А она начала разбираться с вами? И тут же выяснила, что вы – не чеченцы и понятия не имеете, что за «двести наций» на нее обиделось... Да все так и есть! – саркастически рассмеялся Гермес. – Я тоже очень долго злился на старика, но она ведь честно сказала, что когда к ней пришли с обыском, все уже было кончено, время поменялось. Сейчас мне даже жаль старика, заставил действовать его в несвойственной манере. Надо было пропустить ее! Дать ей премии, славу, признание... она бы сама почила на лаврах и прекратила писать!

- Ты в этом уверен? – с нескрываемой издевкой спросила Келайно. - Она первым романом заявляла права на сны и пост стражницы при душах! Это понимали лишь посвященные, но пропускать ее было нельзя.

- Мы лишь оттянули время, остановили его на некоторое время, а оно обрело иную реальность, с которой сейчас безуспешно пробуют бороться методами «дебилов и ушлепков», – ответил Гермес. – Раньше иная реальность была только в художественных образах, которым можно было выставить барьеры. Ее надо было вынимать из Интернета гораздо раньше – медными трубами! Деньги могут переформатировать кого угодно! А они сейчас с Уранией пытаются сами отформатировать денежные потоки! Ее оставили в Интернете с ее огуречным образом, где все вынуждены создавать свои образы. Многим это нравится, это нечто вроде детской игры в прятки. Она не прячется, а все тупо бубнят, что она «скрывается под ником Огурцова»! И как бы мы не поддерживали ее скандальный имидж, но именно он вызывает интерес.

- Любое предположение – это начало цепочки событий, которая нам изначально неизвестна! – прошипела Келайно. – Ты же понимаешь, что гарантированный результат можно было получить только в одном случае – если остановить время! Это мы сейчас с тобой пока беседуем в центре Москвы, в кафе. А где мы бы с тобой могли оказаться гораздо раньше, если бы все прочли ее прозу, как вполне очевидного победителя различных конкурсов? Ведь смысл их проведения был в том, чтобы выбрать вещи, которые заведомо прочесть невозможно!

- Согласен! Мы действуем в логике развития наших образов, – кивнул в ответ Гермес. – Мы пытаемся остановить время. То, что должно смертельно ее ранить, она принимает, как отличительную особенность нашего образа... Хотя мне сложно представить, как глубоко личную трагедию, крах всех жизненных устремлений – можно рассматривать проявлением и развитием художественного образа...

- Именно, что *развитием*! – с ненавистью выкрикнула Келайно. – Это же паучиха! Ты разве не чувствуешь? Она будто опутывает нас паутиной!

- Не надо утрировать, – улыбнулся Гермес. – Мы же с тобой знаем, что настоящая и непревзойденная паучиха у нас ты! У этой мерзавки более сложный механизм воздействия! С ней сейчас старшие сестры, а она прорывается к младшим. Хотя она должна была понимать, что младшие сестры ей спасибо не скажут, воспринимая все, как должное. Да и личные проблемы ее должны были полностью поглотить... Но заметь, она вовсе не пытается с нами бороться так, как мы этого ожидаем! Она использует наши желания, дописывая для нас свой идиотский счастливый конец в духе типичных дебилов и ушлепков!

- Да откуда, скажи, она может знать наши желания? – возмутилась Келайно. - Мне кажется, кто-то нас предал... Кто-то ей точно все сообщает заранее!

- Она снимает образ! – перебил ее Гермес, начиная терять терпение. – Она пропускает через себя, что мы на нее направляем, прикидываясь идиоткой, цепляя кусочки образов, которые идут

за всем этим. Далее она помещает образ в русло своей дурацкой логики, как бы вдобавок помогая... развитию образа! А они у нас статичные, у них развития не предусмотрено.

- Все равно не понимаю! – призналась Келайно.

- Вот мы приставили к Игнатенко своего адвоката от Аэлло. Фамилия ее Лисицына, - пояснил ей Гермес. – Как бы она идет защищать его на общественных началах, пытаясь реабилитироваться после защиты других инсценировок. А Каллиопа тут же заявляет, что все нападение на Мылина было инсценировкой, потому что немедленно всплывает адвокат, ранее проявившаяся на «масштабных провокациях против всего общества», как она любезно всем поясняет. Не стану касаться образов оппозиционеров, бывших подзащитными адвоката Игнатенко. Их образы начинают распадаться, как только Каллиопа интересуется, где они были раньше, и называет «народными трибунами». Там Клио восстанавливает исторические связи, а Урания немедленно определяет цену. И дальше Хронос выкашивает все подчистую! Но у нашей адвокатки были подзащитными девушки, исполнившие отвратительный «панк-молебен» в храме. А до этого они голыми в музее совокуплялись с мужчинами – как бы из прогрессивных протестных настроений. И подавалось это в качестве «авангардного искусства».

- Это не я! – встрепелась Келайно. – Это Аэлло с Окипетой такое придумали! Они уверяли меня, что вся Россия последует этому примеру!

- Вполне оценил их задумку, - кивнул Гермес. – Удар по жилищу муз – мусейону, по самому искусству, которое идет с таким «вдохновением»... Но стоило Каллиопе немного развить образы этих девушек, как тут же выяснилось, что их поступки статичны, развития во времени не предполагают. Там невозможно представить, что у них может быть чистая светлая любовь, рождение ребенка, хотя бы эпизодическое участие таких мамаш в детских утренниках и на родительских собраниях. Можно просто сказать, что они «не думают о будущем», живут одним днем, как наркоманки, которым уже не принадлежит собственная воля. И тут она дает типичный «огуречный» вывод, что девушки выполняют чей-то сторонний заказ человека, который вовсе не собирается думать об их дальнейшей жизни, а их отношения ограничиваются заказанными «акциями», вполне соответствующие его дурному вкусу. Поскольку поступки девушек – конечны в логике развития их образов, дальше должно идти лишь самоубийство.

- Но его не происходит, поскольку до суда мы были вынуждены держать их в изоляторе, исключая любое общение! – взорвалась Келайно.

- Как сейчас вынуждены держать Игнатенко, чтобы он не рассказал про те методы воздействия и фальсификации телефонных разговоров, которые ему представило ведомство Антона Борисовича и его младшего зятя, – спокойно закончил ее мысль Гермес. – Кто тянул за язык Аэлло, когда она в Интернете поясняла под чужим ником Каллиопе, почему делом о нападении на Мылина занимается полиция, а не Следственный Комитет, как в ее случае? Там же она указала статьи Уголовного Кодекса, доходчиво объяснила, что тяжкие телесные повреждения находятся в ведении полиции. Она соображает, с кем говорит? Она говорит со своим Автором! В русле уже написанного за нее диалога. И Каллиопа тут же язвит, что «дебил и ушлепок» Загоруйко, весь такой непосредственный и импульсивный, долго и тщательно соображал, как же ему остаться в юрисдикции любимого ведомства Антона Борисовича, чтобы и нанести «тяжкие телесные повреждения» Мылину – и оставить его совершенно невредимым. А потом спросила, почему при обыске у него не обнаружили забытую фляжку с разбавленным до безопасной концентрации электролитом.

- Он же из-за этой твари фляжку забыл! – догадалась Келайно.

- Конечно! – подтвердил ее догадку Гермес. – Но только потому, что она помогла исполнению его желания, открыв проход во времени. Но это был единственный проход! Он отменил необходимость участия в судьбе Игнатенко «мальчиков» Аэлло, о чем ее просила Окипета.

- Да она и меня просила! – откликнулась Келайно.

- Вот видишь! – ударил Гермес по столу необыкновенно прекрасным перламутровым ногтем указательного пальца правой руки. – Когда проход открыт только для тебя, это рождает некое чувство... предопределенности. Событие уже имеет вероятность единицу, так какой смысл перепроверять, а взял ли ты фляжку с электролитом....

- Или могла ли тебя раньше видеть подэкспертная психиатрической экспертизы – в качестве работницы прокуратуры, пристававшей в непотребном виде к молоденьким следователям, да? – мстительно поинтересовалась Келайно.

- Абсолютно точно! – кивнул Гермес. - Когда смертные понимают, что кто-то находится в их полной власти, они начинают равнять себя с богами, которым не нужно думать о «технической детализации в литературе». Помнишь, была такая статейка у нашей Каллиопы? Когда она говорила, что ложь всегда проявляется нестыковкой самых незначительных деталей. Тебе или мне – не надо думать о фляжке с электролитом, нам даже не надо электролит в фляжку ее сливать из аккумулятора. Мы протянули руку – и вот она!

Гермес сделал красивый жест левой рукой в сторону, и в его руке появилась старая фляжка из белой изношенной пластмассы. С брезгливым выражением он поднес ее к лицу и тут же резко отдернул, выбросив гулко булькнувшую фляжку под стол. Он взял салфетку и тщательно вытер пальцы. Вокруг их столика явственно запахло мочой, с соседних столиков на них стали оглядываться посетители, морщась от резкого запаха.

- Уверена, что это она вдохновила Загоруйков фляжку насрать! – прошептала Гермесу Келайно.

- А может и не она! – возразил он. – Этот шут гороховый Загоруйко, понимая, что ему грозит одиннадцать лет тюрьмы вполне серьезно, и шуточки с ним закончились, сам заявил, что плескал мочой с электролитом. А мерзкая мамаша балерины Владимирской заявила, что моча – и есть электролит! Там уже весь круг муз собрался! От них можно было ожидать чего-то и почище! Я бы не удивился, если бы Загоруйко решил не плескаться в Мылина, а... чем-нибудь его обмазать, к примеру.

- Эта Терпсихора как прилипла к Мельпомене! – возмутилась Келайно. – Она же должна была ненавидеть его, за то, что ее выгнали из театра, а его оставили! И кампании по поводу ее аморальности, эротических фотосессий и крайней умственной глупости – не дали никаких результатов! Тут же выходила Каллиопа с сестрами и доказывала, что такой невыносимой красавице вовсе необязательно быть Цицероном и Аристотелем в одном флаконе. И вот она умная, а вынесла типа столько «горя от ума»! А тот, кто в силу своей недоразвитости не понимает божественной красоты прекрасного женского тела, может заткнуться и удовлетворять свою низменную похоть на порносайтах, а не касаться грязными домыслами непостижимой и абсолютно естественной красоты госпожи Владимирской, отражающей ее духовную красоту. На полном серьезе!

- А ты хотела, чтобы она заклеила ее позором? – расхохотался Гермес. – Это же извращенная тварь!

- Вообще-то очень на это рассчитывала, - недовольно заметила Келайно. - Мы даже организовали протест родителей Урала, чтоб Каллиопе было удобнее выступить в «общей струе». Она же часто орет «как мать двух дочерей». Вот бы и проявила свою хваленую нравственность. Так Урания, в ответ на замечание, что Владимирская растолстела, постарела и потеряла форму, написала, что, мол, «всем бы так потолстеть, постареть и потерять форму». И что она нисколько бы не возражала, чтобы после такого преобразования и о ней написали какой-нибудь протест.

- А что ты хотела? Это фарс! Она и Эрато поддерживает, хотя у нее нет и малейшего повода ей импонировать. Но вот давай посмотрим, что произошло бы, если бы у нас все получилось с Мельпоменой, - сказал Гермес, ногами в сандалиях отпихивая под столом подальше фляжку, которая от резкого удара о пол начала протекать.

- Сейчас Окипета, Аэлло и Аэлоппа прилагают массу усилий, чтобы от «кислотной атаки» вот также не пахло мочой, - грустно заметила Келайно

- Нас с тобой мало волнуют частные проблемы Окипеты, Аэлло и Аэлоппы, сосредоточившихся на младших музах, на этом театре, - задумчиво ответил Гермес. - Неизменность нашего времени отслеживает Подарга, в чьей власти души всех, кто его останавливает в высших иерархиях власти.

- Мне так жалко девочек! – сквозь слезы прошептала Келайно. Неужели нельзя как-то заткнуть эту противную бабу?

- Боюсь, упущено время, - признался Гермес. - Из-за упрямства Каллиопы, из-за того, что она вдруг начинает цепляться за людей, начинает их любить, а не ненавидеть, одна за другой срываются общие инсценировки и театральные действия. Вначале с национализмом, когда она в этих опереточных движениях стала искать не защиту, а потребовала их немедленной ликвидации, заявив, что она всегда выступала, против лозунга «Россия для русских!» - не соответствующего истории и культуре России.

- Так ее и все наци ненавидели! – подтвердила Келайно. - Они сразу начали вслух радоваться, когда ей «перекрыли линию»! Пока им не приказали заткнуться!

- Это было упущение! – холодно откликнулся Гермес. - Они напротив должны были ее поддержать! А когда ты ей прислала потом нацика, вызвавшегося ей помочь, она его выставила подонком в Интернете так, что вначале ему пришлось с ее адвокатом разбираться, а после немедленно сворачивать свою деятельность! Пришлось ему самому обыск инсценировать! Как можно было до такого откровенного фарса опускаться? И как началась эта суета, оправдания, какие-то идиотские кампании и внезапные «идейные перерождения», так какой уж там «новый 37-й год»? Чтобы сталинские соколы так обсирались, как вы? Это же просто смешно!

- Да она всех запалила! – завизжала Келайно так, что на них опять неодобрительно посмотрели посетители за соседними столиками. - Весь смысл ее дела и был в том, что она окажется членом нацистского движения, а у нее при обыске обнаружили партийный билет от партии «Единая Россия»! Мы потом корреспондентку с НТВ к ней присылали. Та под диктофон задала ей неожиданно вопрос: «Так значит, вы являетесь членом ДПНИ?» А она ее спросила, что это такое! Ее брат ей подсказал, что корреспондент имеет в виду нацистское движение против нелегальной миграции. А она радостно отвечает, что она наоборот всегда выступала против «этой херни», а является членом партии «Единая Россия»!

- Да, здесь надо было сразу понять, что начинается фарс, и лучше эту тварь не трогать вообще, - мрачно заметил Гермес.

- А что прикажешь с ней делать! – не сдерживаясь, заорала Келайно. – Мы ее просто хотели превратить в овощ! В так полюбившийся ей огурец!

- Рассуждаешь сейчас, как следователи при обыске, когда вместо баулы обнаружили у нее партийный билет «Единой России»! – одернул ее Гермес. - А думать надо было раньше, когда вначале обыскали у нее стол на кафедре, в котором нашли студенческие курсовые и пустые бутылки! Они еще тогда должны были у нее найти взятки в столе!

- Да не смогли там ничего найти, - чуть не плача, ответила Келайно.

- Думаешь, не искали? Прямым текстом намекали! Но там многие преподаватели имели судимости за взятки, все знали, что она взяток не берет. И нам же другая статья изначально нужна была! И никого найти не смогли, кому бы она свои «экстремистские материалы» распространяла. Изъяли у преподавательниц ее книжки сказок, рассказ какой-то про ее собаку, роман... Экспертиза не подтвердила наличия в них экстремизма. Но надо было хотя бы наркотики у нее в доме обнаружить! А они их не взяли...

- Потому что им сказали, будто она дома хранит базуку и реактивные снаряды, а это самый настоящий экстремизм! - закончил за нее Гермес. – Вы хоть сами это пытались вслух произносить? Ты не могла понять, что она издевается?
- Там время было другое, ты это понимаешь? – напомнила ему Келайно. - Мертвое, неживое время! Ты можешь понять, что источник, который был у нее дома, сам это видел?
- Он приложил к рапорту фотографии боеприпасов? – поинтересовался Гермес. - Ага, не приложил! А у него был в руках постоянно работавший телефон, по которому ему якобы все время звонила жена, у них там постоянно якобы были проблемы с его дочкой, которую... о, случайность! Дочку звали Алисой, как Алису в Стране чудес! Его начальникам надо было во что бы то ни стало получить бюджетный грант в десять миллионов, поэтому они пустили его рапорт по инстанциям. И раз в доме есть базука и управляемые снаряды типа «земля-воздух», то им никто не дал на обыск наркотических препаратов. А потом сама обысканная нагло заявляет в Интернете, что если бы ей дали «всего лишь» три миллиона рублей, то она заткнулась бы в тряпочку только затем, чтобы «сэкономить бюджетные средства». Ну, и чего не дали?
- Так поздно уже было, - растерялась Келайно. – Время ушло!
- Вот! Стоило вам сунуться к ней, время почему-то ушло! – едва сдерживаясь, рявкнул Гермес. - А теперь посмотрим, какое в результате время пришло, да? После всеобщего остракизма к нацистским движениям, проваливаются инсценировки с «оппозицией», затем с «панк-молебнами». Но почему-то все уверены, что как раз в театре все инсценировки пройдут под крики «Браво!» и «Бис!». Итак, наш расторопный Загоруйко захватил бы с собой фляжку...
- Нет, пусть он бы все-таки во флягу налил воды, как договаривались, - поправила его Келайно, морщась от едкого запаха мочи из-под стола.
- Отлично! – согласился Гермес. - Он плещет в лицо Мылину. А нам без особого труда удастся уничтожить Мельпомену вместе Талией и ее дружкой Игнатенко. Все в шоке от жутких фотографий записки кровью на стекле и самой сцены группового самоубийства. Как там у нас Окипета и Аэлоппа воображали? Чтоб все голые с перерезанными венами, да? Чудненько! И встает вопрос к некоторым господам в правительстве, которые не только являлись поклонниками Мельпомены, но пытались проводить государственные решения «в духе времени». Ведь у нас конечной целью были именно они, что уж теперь-то прикидываться, верно?
- Да, надо было бы тогда поставить вопрос о целесообразности таких людей в правительстве! – подтвердила Келайно.
- Которым могут нравиться такие дебилы и ушлепки! – патетически воскликнул Гермес. – Которые мешают экономике переходного периода и развитию рыночных отношений! Оказывают противодействие инновационному курсу, заметь!
- Согласись, это было бы превосходно, - робко заметила Келайно. – Вечный переходный период в никуда, в пропасть...
- Но для этого надо было в первые же минуты после поступления Мылина в больницу обработать его серной кислотой и сжечь ему глаза и голосовые связки! Обжечь ему руки! А всех, кто его видел сразу после покушения – отправить под КамАЗ! – с вырвавшимся гневом выдохнул Гермес на Келайно так, что ее иссиня-черные волосы и ресницы покрылись инеем. - Как вы могли допустить, что старик его снял сразу же после поступления в больницу?
- Но сейчас еще есть возможность лишить его зрения! – простонала она, пытаясь снять сосульки с ресниц.
- Давай, почитаем сообщения прессы, - предложил Гермес. – Вначале идут радостные сообщения, что здоровью Мылина ничего не угрожает, он дает интервью, благодарит всех за проявленное сочувствие к его трагедии. Затем едет на лечение в Германию, оттуда Аэлло привозит бумагу, что 95% зрения уничтожено, проведено 18 операций, пока смогли спасти лишь пять процентов... и тэдэ и тэпэ. Все интересуются, почему ему провели не 88 или не 188 операций.

- Я тоже не ожидала, что люди окажутся такими жестокими к чужой трагедии, - заметила Келайно, презрительно поджав губы.

- Да правильно вам Каллиопа говорит, что можно рассчитывать на человеческое сочувствие, но нельзя его использовать в своих интересах! – возмутился Гермес. – Нельзя все свои глупости с ссаными банками – лепить в расчете на обязательное сочувствие!

- И все же я считаю, что план был неплохой, своевременный, - упрямо ответила Келайно. – Просто надо было все сделать вовремя.

- Понимаешь, все пошло не так уже с Загоруйко, когда он решил нассать во фляжку, - махнул на нее рукой Гермес. - И если бы даже у нас все получилось, запах мочи все равно всплыл бы через год или два. Сама видишь, какое время нынче наступило. Оно совершенно не хранит тайн, будто у него ящик сломался. Скрывать что-то можно только во времени? А оно все выплевывает наружу тут же! Вот как с этой фляжкой.

- Да, я тоже чувствую, что во всем виновато время! – ответила Келайно. – Ко мне на днях приходила Подарга, она призналась, что ее стали все бояться. Раньше перед ней распахивали душу, сами призывали ее! Сейчас от нее шарахаются, только слышат ее поступь и шелест крыльев. Раньше сама жизнь никого не держала, ее было принято прожигать. А сейчас вдруг самые ее надежные клиенты заговорили о нравственности и душе, сам знаешь с чьих слов.

- Но этот фарс с «оппозицией» и «панк-молебнами», с последующими обысками и арестами, с министром обороны, которого застали при обыске у любовницы, а потом объявили наиболее эффективным министром обороны всех времен и народов, - располагает к подобным мыслям! – парировал Гермес. – А уголовное дело самой Каллиопы и бюджетный транш в 10 миллионов – заставил отказаться от принципа безнаказанности, да? Сам собою возникает навязчивый вопрос, почему девушек, засовывавших себе в причинное место мороженных куриц в супермаркете и совокуплявшихся в половыми партнерами в музее, - не осудили за хулиганство, не проверили в психушке.

- А вот уже панк-молебен в храме после осуждения Каллиопы – оставить без внимания не смогли, - эхом откликнулась Келайно. - Ясно доказав всем, как опасно доверять гарантиям тех, чья душа находится во власти Подарги. И кто сейчас пойдет у них на поводу, если всем будет маячить тюремный срок, а не деньги-слава-безнаказанность? Там ведь каждое условие подобной инсценировки – отдельно превращено в фарс! А главное, постепенно превращается в фарс жизнь тех, кто получил от Подарги больше всех. Я ей так и сказала...

- И все же Каллиопа – всего лишь человек! - попытался отвлечь ее от грустных мыслей Гермес. – Решил попытаться немного оттянуть этот ее «счастливый конец», на котором она буквально помешана. Решил заменить старика и передать ей в голову парочку своих мыслей. Не стал повторять ошибки Льва Ивановича и его коллег, пытаясь навеять на нее суицидальные настроения. В этом была их ошибка! Она сразу выявляла чужое враждебное воздействие. А я просто взял детскую песенку про гусей! У нее же дочери были маленькими, она могла

вспомнить ее и сама.

- Какую?

- Были у бабули два веселых гуся! – со смехом продекламировал он.

- Сейчас, как только она думает о счастливом конце – возникает экран из этих гусей! А от кого он возник – да неизвестно! Она сама ее вспомнила!

- Может, сработает? – со слабой надеждой пробормотала Келайно, с ненавистью сжимая салфетку. – Должно же хоть что-то доканать эту гадину!

- Прочел недавно переписку дочерей Каллиопы в социальных сетях, - сказал Гермес. - Старшая пишет младшей: «Один мальчик всегда тянул руку на уроках в школе. И вырос нацистом!» А младшая ей в ответ пишет: «А наша мама любила экстремальные виды спорта и получила судимость за экстремизм!» Пока их время еще не наступило, но по этим репликам можно судить, что за время придет, когда имена таких вот девиц зажгутся на флаконах часов Сфейно. - Я доберусь до них! Я буду пить их кровь и топтать когтями! – заорала Келайно так, что на нее опять стали оборачиваться посетители, но увидев, что невоздержанность проявила дама в прокурорском кителе, тут же опускали глаза и отворачивались. - Пока они под защитой круга муз! – одернул ее Гермес. – Оставь их! Все, что ты ни сделаешь, превратится в фарс! Ты это понимаешь? А вот сделать так, чтобы больше ничьи имена вообще не загорались на этих проклятых часах... это, пожалуй, будет вполне фарсовым финалом, да? Не то, что бабусиных гусей. Часиками только бряк об асфальт – и нет проблем! Всем весело, все могут расходиться! - Слушай, а это не очередной фарс? – с опаской спросила его Келайно. – Во мне звучит что-то... явно написанное этой гадиной... Ты ничего не слышишь? Ну, точно! Сам-то не слышишь?

«И мать, прижимая руки к груди, заплакала радостными, счастливыми слезами...»

- Твою мать, Келайно! – заорал на нее Гермес. – Прекрати! И когда слышишь эту гадость, не произноси вслух! Фарс будет заключаться и в том, что по большой просьбе моих любимых птиц мы пошлем за часами Сфейно – сирен. У них особые отношения с музами. Некоторые даже считают, будто сирены – такие неудачные дочери прежних муз Каллиопы и Талии. Тоже много хихикали из-за мамочкиных хитонов, а потом не смогли проявить соответствующей доли экстервизма.

* * *

- Девочка! Девочка, где ты? Отзовись мне! Я – не страшная, я – красивая! Со мной ничего не страшно, даже самого страшного! – нараспев приговаривала высокая женщина, поднимаясь по неосвещенной лестнице. Обычно скрипучая, лестница не издавала под ней ни звука, будто красавица плыла на второй этаж по воздуху, переставляя длинные ноги в красных туфлях лишь для проформы.

Откуда-то сверху донесся бой часов, пробивших полночь. Странно, но часы начали бить, как только она дошла до середины лестницы, решив осторожно снять туфли на слишком высоких для ее предприятия каблуках. Она удивилась про себя, как так смогла подгадать к полуночи, потому что ей оставалось пройти ровно двенадцать ступеней до раскрытой настежь двери в детскую, и часы боем вторили ее шагам, отмечая каждую ступеньку.

Хотя в такие минуты ее вряд ли кто-то мог увидеть, женщина, тем не менее, тщательно следила за каждым своим движением, удивительно изящно прикасаясь к перилам рукой с безупречным маникюром. Темный лак на лилейно-бледной коже, светившейся в лунном свете, создавал впечатление, будто перед ночным набегом в дом балерины Владимирской - Лера Воровская окунула свои кончики пальцев в чью-то ярко-красную кровь.

Снизу доносились крики, шум борьбы и звук используемого скотча. Но прекрасное лицо Леры ни единой морщинкой не выражало озабоченности по поводу того разгрома, который явно царил на первом этаже дома. У нее лишь поднялась правая бровь, когда снизу, сквозь стоны связанных обитателей дома, донеслись грохот опрокидываемой мебели и треск выламываемых шкафов и комодов, звон разбитого стекла и глухие удары в стены. Она на минуту остановилась и, свесив голову над перилами вниз, скомандовала: «Вы там тише все-таки! Это же гадство какое-то, нарочно вещи портить. Я соседей песнями усыпила, а сейчас все проснутся от такого шума! Соблюдайте тишину в... ночное время!»

На Воровской было надето стильное серое платье с люрексом, плотно облегавшее всю ее стройную фигуру. Внезапно она остановилась почти у входа в детскую и длинной тонкой

рукой с красными коготками с остервенением почесала лопатки и подмышки. Поправляя платье, она резко дернула плечами и, вспомнив о цели своего визита, опять запела своим невыразимо сладким голосом: «Девочка, милая! Выйди ко мне из кровати! Я расскажу тебе самую лучшую сказку на свете!»

В темном дверном проеме появилась фигурка маленькой девочки в смятой пижамке и спутанными волосами.

- Мариночка! – радостно зашептала Воровская, протягивая к ней руки. – А где ты пряталась от тети, милое дитя?

- Под кроватью, - прошептала девочка.

- Нехорошо от тети прятаться под кроватью, - попеняла девочке сирена. – У тети очень мало времени! Скажи мне, Мариночка, а где мама и бабушка прячут те флакончики, которые могут парить над чашей из прозрачного камушка? Их ведь другая противная тетя вам приносила?

- Приносила, - прошептала девочка.

– Мама и бабушка на них смотрели по вечерам. Бабушка сказала, что если я буду много работать, то и мое имя будет на флаконе!

- Не будет твоего имени на флаконе!

– неожиданной злостью заявила сирена. – Что за мода пошла, непременно свое имя на флаконах записывать? Где сами-то они, кстати? Мать-то понятно, на гастролях, а бабка твоя где? Говори сейчас же!

- Нет, не скажу! – тихо сказала девочка.

- А ты знаешь, кто я? – ласково

поинтересовалась Воровская.

- Да, вы та тетенька, которая фильмы снимает! – ответила девочка. – А та тетенька-журналистка, которая маме часы оставила, звонила, чтобы вас на передачу в телевизор пригласили по вашему фильму. Ей Холодец так сделать приказал. Я на лесенке стояла и все слышала!

- Какая сообразительная девочка! – похвалила сирена. – И про Холодца знаешь, умница! А ты мой фильм видела?

- Да, - кивнула девочка. – У вас фильм про мифическое существо, которое провожало к смерти героиню фильма. У нее кровать в могилу провалилась.

- Значит, фильм тебе понравился? – уточнила сирена.

- Нет! – отрезала девочка. – И маме не понравился, и бабушке! Они сказали, что вам не стоило так бестактно выделять свою песню о смерти, зная, что вам самой она не грозит. Это некрасиво и лживо, это не искусство! Бабушка сказала, что вы нарочно выделяете в смерти самое грязное и низменное! А еще сказала, что вы нарочно такой фильм сняли, решив, что с музами навсегда покончено. И вся перьями нарочно украсились, а вам нельзя перья носить! И еще ничего не кончено! Ничего!

- Противная девчонка! – разозлилась Воровская, вдруг хищно вытягивая лицо и показывая ряд острых мелких зубов. – Я сейчас всех к смерти провожу! Всех, кто лежит связанным там внизу... Немедленно говори, где твоя бабка!

Воровская будто сгорбилась, чувствуя, как под прижатыми к лопаткам крыльями - опять нестерпимо начала чесаться кожа. Если бы эта мерзкая девчонка знала, как тяжело прятать крылья под платьем с люрексом!

- Бабушка пошла часы Сфейно относить! – выпалила девочка. – Ей Сфейно позвонила! Она сказала, что вы со своими сестрами придете, чтобы часики разбить, чтобы никто свое имя на флаконах не писал! Бабушка успела до вас на такси уехать!

- Гадина какая эта твоя бабушка! Зря она тебя с собой не взяла! Чего она тебя одну-то дома оставила? – насмешливо поинтересовалась Воровская, выставя острые красные когти. – Думала, что мы с сестрами не спровадим вас... туда, куда и всех?

- А с чего ты решила, будто ее одну кто-то оставит? – раздался механический голосок рядом с девочкой. – Как ты посмела явиться в жилище музы?

- Кто?... Кто это рядом с тобой? – растерянno спросила Телксиепия, машинально отступая на ступеньку вниз.

- Мне часы тетенька Эвриале оставила! – гордо заявила девочка. – Просила покараулить, пока в Германии разбирается с вашим слепым. Вот! А моя бабушка сказала, что всех вас надо отдавать под суд!

В лунном свете за ее спиной стояли просто напольные часы, но, прищурившись, Телксиепия увидела вместо их потертого резного корпуса - согбенную фигурку то ли старика, то ли юноши, присевшую за девочкой на мощных львиных лапах.

- Хронос? Пощади! – взмолилась сирена, медленно спускаясь по стенке от выпрямлявшейся во весь рост фигуры, начинавшей пылать тем нездешним светом, от которого задымились перья под платьем. Уже понимая, чем это может закончиться, сирена пронзительно крикнула сестрам, пытавшимся вскрыть сейфы внизу: «Уходим! Сестры! Здесь Хронос! Он готовится воззвать к Мусейону!»

Внизу тут же затихли звуки вскрываемых стен и два страшных женских голоса ответили ей жутким визгом. Телксиепия быстро сбежала по лестнице вниз, стягивая на ходу серебристое платье, стараясь освободить крылья с дымившимися на них перьями.

Сверху уже раздался громкий голос Хроноса, начавшего читать старинный орфический гимн: «Выслушай, о Мусейон, молитву при действиях священных!..»

У них оставалось не больше полминуты, чтобы покинуть стремительно оживавшее и подрагивавшее жилище музы, которое они решили осквернить своим вторжением. Она знала, что как только Хронос дойдет в призывах до Справедливости и Благочестия, дом балерины Владимирской превратится в смертельную ловушку для сирен и гарпий.

Подхватив два небольших сейфа, три сирены, не скрывая своего истинного обличья, выскочили из дома, тут же поднимаясь в воздух, разворачивая мощные крылья, на которых тлело дивное радужное оперение. Вслед им неслись слова, заставлявшие корчиться и переворачиваться от боли прямо в воздухе.

*...Ты, Справедливость, и ты, Благочестье — оплот величайший!
Всех вас зову — и нимф знаменитых, и славного Пана,
Геру цветущую, Зевса, эгидодержавца, супругу,
Милую я Мнемосину и Муз призываю священных,
Девять числом, и Харит, и Ор я зову вместе с Годом,
Кличу Лето пышнокудрую я и богиню Диону,
Кличу куретов, носящих доспех, корибантов, кабиров,*

Прямо через гостиную проходили призрачные колонны жрецов, рассыпавших вокруг себя лепестки цветов, таявших в воздухе, наполнивших дом чудесным ароматом. Будто издалека доносилась музыка и стройное пение, в котором невозможно было разобрать слов. На одних

жрецах под просторными одеждами бронзой сверкали доспехи, а за плечами висели широкие палаши. Другие несли музыкальные инструменты, корзины с фруктами и жертвенных животных. Шествие завершал строй мистов-факельщиков в лавровых венках. За ними, едва сдерживая коней, выехал на колеснице грозный молодой гигант. Он кивнул головой с рассыпавшимися кудрями, немного выпустил вожжи, и кони рванули, растворившись вместе всадником в воздухе.

*...Кличу Фемиду, блюдущую жертвы у смертных,
Ночь всестаринную я призываю и День светоносный,
Веру и Дику зову, беспорочную мать Законов,
Рею и Крона зову и в неплосечерном Тефию,
И Океана великого, и дочерей Океана,
Я и владычную силу Эона зову, и Атланта,
Вечное Время зову и Стикса священную воду,
Ласковых кличу богов, а с ними и Промысел добрый,
Демонов кличу благих для людей и гибельных смертным,
Демонов кличу небесных, земных, и воздушных, и водных,
С ними подземных и тех, кто в огне пребывает горящем,
Кличу Семелу и Вакха со всей его шумною свитой,
Кличу Ино, Левкотею, подателя благ Палемона,
Нику, чье сладостно имя, и с ней Адрастею царицу,
Кличу, Асклепий, тебя, овладыка, смягчающий боли,
Кличу Палладу, зовущую в бой, призываю все ветры,
Грома раскаты и Стороны света зову я четыре.
Кличу и Матерь бессмертных, и Аттиса кличу, и Мена,
Кличу Уранию я и Адониса кличу святого,
Кличу Начало и кличу Предел — он всего нам важнее,
Все вы явитесь теперь благосклонно, с отрадой на сердце
К жертвенным действиям священным, к сему возлиянью честному.*

За его последними словами по всему дому в воздухе начали вспыхивать искорки и повисли крошечные капельки, в каждой из которых был заключен целый мир. Капельки подплывали к самому лицу, в них с невероятной скоростью проносилось время, превращая каплю в ослепительно сверкающую звездочку.

- Это волшебство? — спросила девочка, вглядываясь в одну капельку за другой.

- Волшебство лишь в том, что время сжато, а так там все обычно, - ответили часики усталым надтреснутым голосом. — Когда время замедляет ход или останавливается, тогда и кажется, будто ничего хорошего ожидать смысла не имеет. А когда время течет немного быстрее, как в книжках, например, тогда видно, что все уравнивается, а вокруг не так уж мало настоящих чудес.

- А что такое — «возлиянье честное»? — поинтересовалась девочка, глядя, как по первому этажу проходят призрачные легионы странно одетых витязей.

- Обыденное течение жизни было принято прерывать пиром, особенно, накануне каких-то испытаний, а уж тем более — после них, - ответили часы. — И чтобы все это украшало свое время и краткий миг бытия, дом превращали в жилище муз особым заклинанием, а на пир звали все времена года и всех богов, чтобы они могли насладиться пиршеством, как священным действием.

- И у нас это сейчас будет? — спросила девочка, устроившись на ходившей ходуном лестнице, крепко ухватившись за балясины ограждения.

- У нас сейчас головомойка будет! — встревоженно отозвались часы. — Сейчас твоя бабушка сюда явится! Быстрее развяжи няню и садовника! Скажи, что пряталась под кроватью наверху!

- А пир? Я хочу на пир! — закапризничала девочка.

- Всеу свое время, - торжественно пробили часы. –Придет и твое время! Вот тебе на память... Как День и Ночь!

И с этими словами перед девочкой появились две пачки – белая и черная.

- А все вернуть обратно ты можешь? – восторженно спросила девочка, поднимая перед часиками два заветных костюма черного и белого лебедя госпожи Тальони, которыми с детства грезил ее мама.

- Нет, - строго протикали часы. – Только «приметы времени», к которым сейфы твоей матушки не относятся. Но, чтобы она не расстраивалась – вот вам шкатулка драгоценностей балерины Матильды Кшесинской, безвозвратно утраченные ею на пути в Венецию на верхней палубе парохода «Семирамида», когда она в 1920 году навсегда покидала Родину.

- Это такая реликвия, да?– шепотом спросила девочка, но тут же, поставив шкатулку на ступеньку, запрыгала вниз, с восторгом прижимая руки к груди.

Внизу, среди устроенного погрома и таявших в воздухе мыльных пузырьков стояла плакавшая бабушка.

- Бабушка! Мы все живые! Нас не успели примочить! У нас только сейфы сперли! – с радостным визгом бросилась ей на шею девочка.

- Мариночка! Золотко мое! Пусть подавятся этими сейфами! – обливалась слезами бабушка, прижимая к себе внучку. – Ты к ним не выходила, надеюсь? Ты не испугалась?

- Я сидела под кроватью, как мы и договаривались, бабушка! – серьезно ответила девочка. – Они тут несколько вещей случайно оставили.

- Да? Опять какие-то волшебные вещи? – сказала бабушка озабоченно. – Давай, Мариша, чтобы больше не пришлось переживать такого кошмара, вначале все спрячем, как следует, а потом ты пойдешь и всех развяжешь, хорошо? И скажешь, что мне с сердцем плохо стало!

- Ладно! – снисходительно кивнула девочка. – Только нам от общего пира кое-что в кухне оставил дяденька на тройке коней. Ну, который на квадриге в театре искусство караулит! Бабушка осторожно заглянула в кухню, куда ее настойчиво тянула за руку внучка. На кухонном столе были разложены удивительно красивые овощи, фрукты, блюда с сырами и фаршированными каплунами. Рядом с плитой на боку лежала большая запечатанная

коринфская амфора с вином, возле которой в растерянности крутился молочный поросенок, жалобно хрюкая.

- Там еще гуси ходят, они, наверно, под столом от тебя спрятались, - с притворным негодованием вздохнула девочка.

- Ну, все! – откликнулась бабушка слабым разбитым голосом. – Теперь у меня не только сердце, но и глубокий нервный срыв!

* * *

В палату вкатилась тележка с ужином. Вошла молчаливая сиделка, от которой Мылин не услышал ни одного слова за все время пребывания в немецкой клинике. Только что ушла навещавшая его Даша. Каждый раз после ее ухода он испытывал огромное облегчение, хотя понимал, что съездить в Бельгию, как обещала ему Алла Давыдовна, и даже просто пройтись по городу он пока может лишь в ее обществе. Не потому, что ему уж так нужен поводёр, а просто на некоторое время придется забыть о Каролине, довольствуясь обществом опостылевшей Даши.

Впрочем, его маленькая девочка не могла считать себя такой же несчастной, каким он иногда чувствовал себя, пока Даша сидела в кресле для посетителей и монотонно бубнила, что скоро все будет хорошо. Он с трудом сдерживался, чтобы сказать то, что витало между ними в воздухе: хорошо у них уже никогда не будет! Хотя бы потому, что она помогала ему менять одежду и вытирать эту гадость, которую на него плеснули. Как только она входила в палату, ее будто сопровождал тяжелый тошнотворный запах мочи, который он хотел навсегда забыть и оставить в прошлом.

С кривой улыбкой Даша слушала его распоряжения по телефону, которые он отдавал своей бывшей жене, замещавшей его в руководстве балетной труппой. Все эти операции Антона Борисовича, закончившиеся полнейшей неопределенностью и вынужденным лечением в Германии, пришлось как нельзя некстати. Он никак не думал, что все это затянется так надолго, практически до премьеры балета «Онегин», постановки которого он добивался в театре четыре года. Балет подавал роман в стихах и саму русскую жизнь начала XIX века в примитивном лубочном стиле, он исполнялся под наспех скомпонованное попурри из камерных фортепьянных пьес Петра Ильича Чайковского, изначально не рассчитанные на использование в качестве музыки к балету. Но все, что могло не понравиться российской публике, напротив, очень нравилось зрителям за рубежом, которые не знали, ни оперы Чайковского «Евгений Онегин», ни самого романа в стихах, поскольку строки Пушкина при переводе теряли существенную часть своей неповторимой музыки и смысла.

Постановка балета изначально задумывалась им – как почти исключительно «гастрольный» спектакль, участие в котором делало бы каждую молодую балерину звездой международного уровня. Он помнил, как предыдущий худрук балета Батманский замечательно устроился в Америке, поэтому и сам строил планы простого человеческого счастья с Каролиной – подальше от этих проблем, которые олицетворяла сейчас для него Даша. Его даже удивляла ее слишком нарочитая наивность. Притворяться наивной, по его убеждению, было намного проще, чем притворяться, будто тебе плеснули серную кислоту, а не мочу. Но неужели она думала, что он останется в Москве после позорной «кислотной атаки», организованной Антоном Борисовичем? Как можно предположить, будто он сможет «жить по-старому» после участия в травле Николая и тюремного срока Игнатенко.

Когда он звонил Инне, возражавшей для приличия против назначения в первый состав «Онегина» Каролины, он видел сквозь повязку, как Даша что-то нервно жевала губами, поджимая руки под грудь. Как же она его раздражала! В последнее время, стоило ему нехотя взглянуть на Дашу, ему всякий раз казалось, будто перед ним сидит какой-то суслик с Дашкиной фигурой. Все было знакомое в внешности этого суслика, кроме самой морды с рыжеватой шерстью. Будто прежняя ее оболочка была лишь маскарадной маской, которую Даша по какой-то причине забыла надеть.

Повязка спасала его от необходимости вглядываться в ее лицо, в котором он видел увеличенную мордашку встревоженного суслика. Это выглядело так, будто смотрел передачу «В мире животных», посвященную эмоциональным переживаниям суслика, озабоченного состоянием привычной экологической ниши. На любые изменения окружающей среды этот суслик реагировал с отвратительной банальностью. Одни и те же гримасы, которые когда-то забавляли и умиляли его, а теперь вызывали тошноту. Стоило ему кинуть на нее случайный взгляд в свою «смотровую щель» в повязке, он вновь видел мордашку жующего суслика с колоском в лапках, торчавших из модно укороченных рукавов Дашиного пальто. Возможно, так подействовала на него странная фантазия писательницы Дю Морье, но ассистент профессора, говоривший по-русски, своими обвисшими щеками, мешками под глазами приплюснутым носом – очень напоминал ему мопса. А сам профессор, постоянно отдававший отрывистые команды на немецком, из-за белого хохолка седых волос и манеры по-птичьи наклонять голову, почему-то виделся ему попугаем-какаду.

Сиделка присела на стул рядом с его кроватью, положила ему салфетку на грудь. Он зажмурился от прикосновения ее пальцев к подбородку и послушно раскрыл рот. От тарелки в ее руках вкусно пахло куриной котлетой и картофельным пюре. Озабоченно нахмурившись, Мылин подумал, что после завершения курса лечения ему придется долго сидеть на диете, чтобы ни в коем случае не растянуть нежную кожу на лице, лишенную сейчас верхнего слоя эпидермиса и жировой прокладки на щеках и подбородке.

Пережевывая кусочек куриной котлеты с пюре, он сделал отрицательный жест, когда сиделка попыталась положить ему в руку кусочек хлеба. Прожевав, он повернулся к ней лицом за новой порцией пищи и застыл с открытым ртом, впервые близко разглядев ее лицо в свою «амбразуру».

Таких женщин он еще ни разу в своей жизни не видел, он мог бы поклясться. Хотя она неуловимо напоминала что-то очень знакомое... Мелодию, или мамину шкатулку с бусинками, давний сон... Безупречно красивое, с четкими чертами, будто высеченными из мрамора, ее лицо было не просто бледным, а почти белоснежным. Но рука, медленным движением подносящая ложку к его открытому рту, была смуглой, с изящными пальцами, украшенными тонкими кольцами стариной работы.

Самым удивительным во внешности сиделки были ее волосы. Почему-то на ней не было привычной белой шапочки, поэтому волосы свободно обрамляли ее лицо и будто жили собственной жизнью, отражая малейшие изменения в настроении своей хозяйки. Черные, отливавшие синевой и закрученные в тугие локоны, волосы сиделки напоминали тонких ядовитых гадюк.

Скормив ему содержимое ложки, она сидела, по балетному прямо держа спину. О чем-то задумавшись, она сосредоточенно разделяла ложкой котлету на удобные для еды кусочки. Ее локоны при этом будто с любопытством заглядывали в тарелку из-за ее плеча. Взяв ложкой кусочек котлеты и немного пюре, она подняла на него свое прекрасное лицо и бережно поднесла наполненную ложку к его рту. Волосы будто потянулись к нему за ложкой, но вдруг, словно понимая, что он видит всю эту копну, шевелившуюся на голове хозяйки, резко отпрянули назад, мгновенно складываясь в тугий узел на затылке.

- А-а, так вы меня все-таки видите! – улыбнувшись одними губами, сказала сиделка по-русски.

- К-кто вы такая? – спросил он, с трудом проглотив пищу, вставшую отчего-то комком в горле.

- Я – горгона, - просто ответила сиделка. – Меня зовут Эвриале, по-русски это означает «Далеко прыгающая». Полагаю, вы больше знакомы с моей младшей сестрой Медузой, которой приписывали мою внешность. На самом деле она была натуральной блондинкой, об этом писали все, начиная с Гесиода. Странно, все знают Медузу, а меня почему-то не помнят. Даже те, с кем мы уже встречались.

- А зачем вы здесь? – прямо спросил ее Мылин.

- Я здесь давно, с того момента, как только вы здесь появились, - объяснила сиделка. - А когда время идет, то и цели меняются. Вначале у меня была одна цель, потом другая, а сейчас я для начала хочу понять, не изменились ли у вас самого цель вашего пребывания?

- Мне можно быть с вами откровенным? - спросил ее Мылин, чувствуя, как давно ему надо было поговорить с кем-то по-русски, исключая Дашу, Аллу Давыдовну и пресс-секретаря Никифорову, приезжавшую заверить его, что для гастролей в Лондоне ему снимают квартиру в центре, но «пока все не кончится», ему надо «держаться подальше» от Каролины.

- Абсолютно, - безмятежно откликнулась сиделка, подавая ему котлету с пюре.

- Вы, наверно, от родственников Игнатенко, хотите попросить меня сказать следователям, что никакого химического ожога не было! - догадался Мылин. - Сразу же хочу заявить, что это совершенно напрасная миссия.

- Я не от родственников Игнатенко, - заверила она его. - Хотя имею определенное отношение к вашему знакомому Николаю и его юной ученице Ангелине Вороновой. Однако сразу же скажу, что поскольку вы когда-то были действительно выдающимся танцовщиком, наших отношений это не касается. У нас с вами куда более давнее знакомство, не правда ли?

Мылин снял повязку и посмотрел в ее лицо. Он вспомнил какой-то давний сон, приснившийся ему в детстве, когда у него болело горло, была высокая температура, а мама сказала, что больше никогда не отпустит его на каток.

Он поднял глаза на Эвриале и спросил: «А почему все-таки он, а не я?»

- Думаю, ты сам отлично знаешь ответ, - пожала плечами Эвриале, передавая ему тарелку и ложку. - Все-таки я ищу земное вместилище музам, тем, которые вдохновляют других на свершения. А ты живешь немного иначе, верно? Ты же знаешь, у скольких людей ты отнимешь желание жить, творить, кого-то любить и верить в справедливость, - одним решением сделать из Каролины звезду, наперекор Ангелине Вороновой. В конце концов, это навсегда уничтожить эти желания и у тебя самого. То есть, твое желание исполнится! Вот я как раз сейчас и хотела бы поинтересоваться, не передумал ли ты в своем стремлении попробовать яблоки гесперид, добытые чужими руками?

- Вы думаете, я бы сам не смог позволить себе эти процедуры? - спросил он.

- Наверно, смог бы, - утвердительно кивнула Эвриале. - Ты бы и девушку смог бы пригласить в отель на свои средства, но... это такой закон природы. Попробовав однажды легких денег, не оплаченных трудом, ты уже никогда не сможешь от них отказаться.

- Прошлую кассу, собранную членами профсоюза, очистил тенор

Гордей, так его никто не искал больше пяти лет, - фыркнул Мылин. – Только сейчас нашли для приличия, а так и не искали. Или вы думаете, что Игнатенко прорывается к кассе не с той же целью? Да непонятно, где сейчас все деньги, если я тут, а Игнатенко в тюрьме. Я слышал такой слух, будто эту кассу руководитель балетной труппы отдал адвокату Игнатенко, а та утверждает, будто защищает его бесплатно.

- Что ты хочешь этим сказать? Что есть и более вороватые члены в нашем обществе? Конечно! – улыбнулась Эвриале. – Но разве это оправдание для тебя? Нет! Однако это прямой ответ на твой вопрос, почему Мельпоменой стал Николай, а не ты. Потому что ты нашел себе оправдание, а он никогда их не искал. Он никогда не изменял ни одного движения в балетах, никогда не изменял себе.

- Вы сейчас пришли с моим ужином, чтобы причинить мне дополнительную боль? – спросил он, доедая последний кусок котлеты.

- О, конечно! – рассмеялась Эвриале красивым мелодичным смехом. – И нанести последний удар по твоему самолюбию! Вовсе нет. Как я уже сказала, явилась потому, что ты был мой самым любимым кандидатом на роль Мельпомены.

- А сейчас вы во мне разочаровались, - риторически спросил он.

- Есть немного, скрывать не стану, - кивнула она. – Но дело осложняется тем, что сейчас Каллиопа, царица муз, рвется на всех парах к счастливому концу. Зная ее с детства, догадываюсь, что и мочой тебе плеснули только потому, что... это очень странная Каллиопа. Всегда предпочитала иметь дело с другими, не стану скрывать. И кроме того, она женщина, которую долго и незаслуженно оскорбляли... Поэтому мне стало очень страшно за тебя! Я здесь появилась, чтобы сохранить тебе зрение, но вижу, что этого особо не требуется, хотя меня беспокоит донорский материал, использовавшийся для операций. Ты ведь стал видеть немного иначе?

- Ассистент, который говорит по-русски, сказал, что такое иногда бывает, - пояснил Мылин. – Там отеки после операций давят на зрительный нерв. Вот мне сейчас, например, кажется, что у вас на голове гадюки, и они прислушиваются к нашему разговору и шипят между собой.

- Знаешь, такая галлюцинация затрагивает не только зрительный нерв, но и органы слуха, - хмыкнула Эвриале. – И слишком подозрительно близко все походит на литературные источники... И это меня откровенно не радует. Знаешь, почему Каллиопа – единственная муза в золотой короне? Ты думаешь, она – царица других девяти муз? Она их бремя, тяжелая ноша! Поэты, музыканты, актеры и исполнители – вы имеете краткий промежуток настоящего, вы творите только для живых. А все, что остается на «суд потомков» - это уж из ее арсенала.

- Насколько я понял, вы имеете в виду «мадам Огурцову», - поджал Мылин и без того узкие губы. - Я почитал, что она пишет в Интернете. Даже Антону Борисовичу про нее прозрачно намекал.

- Там и намекать было излишне, они ее пытаются уничтожить очень давно, - вздохнула Эвриале.

- Нет, как только подобные головы можно венчать золотой короной... как такое вообще может в голову прийти! – не унимался Мылин. - Ведь это беспредельщица какая-то! И собрать возле себя она может только оборзевших идиотов...

- А здесь выбираю не только я, а часы Сфейно, - улыбнулась Эвриале. - Флакон Мельпомены светился и возле тебя, но свет быстро погас, хотя ты стал замечательным премьером. Ты был чудесным артистом! А у Николая этот свет горит до сих пор, ничуть не становясь слабее. Каллиопа царствует среди Каллиоп прежних времен, в веках храня Прекрасное Слово. Именно она решает, кто из прежних Каллиоп будет жить в памяти ее современников. И с одной стороны, всегда немного страшновато, когда ты становишься частью ее истории, а с другой... жизнь пройдет напрасно, если она решит, что ты – недостойн упоминания в ее романе.

- А вам самой не приходило в голову, что она – просто сумасшедшая?

Это на моем языке называется немного иначе – «одержимая». Поверь, надо иметь достаточно серьезный уровень одержимости, чтобы написать роман, сочинить симфонию, оперу или балет. Что ж вы, такие нормальные, ни одной оперы серьезной после себя не оставили? Ни симфонии

приличной, не говоря о балетах. Впрочем, ты не видел по-настоящему одержимых Каллиопа. Кстати, хочу заметить, что как раз эту Каллиопа проверяли в психушке. Мне кажется, это уже стало приметой вашего времени. И в самом начале, до того, как к ней явилась прокурорша, изображавшая психиатра, ее заставили пройти достаточно серьезные психологические тесты. Уровень IQ, равный 182, у женщины после полостной операции под общим наркозом, лично меня бы вполне удовлетворил. Кроме того, у нее была отмечена абсолютная зрительная память и особые свойства абстрактного мышления. Ваши эксперты вряд ли могли понять, зачем они нужны, обзывая это «лабильностью психики» и тому подобными терминами. Но поверь, без такой «лабильности» очень сложно... переформатировать пространство.

- И эта сумасшедшая будет переформатировать мое пространство? – вопросительно поднял брови Мылин. – Должен вас с ней разочаровать, у нас с ней пространства абсолютно различны. Если наша прокуратура не может очистить пространство от подобных ненормальных, то я сделаю все, чтобы до конца жизни находиться с ней в параллельных пространствах.

- Ты живешь в ее пространстве, потому что говоришь и мыслишь в языковой среде, которая ей полностью подчиняется. Ни у артистов, ни у музыкантов нет такого за спиной! – жестко заявила Эвриале. – Сделай примечание в своем удаленном пространстве, что у нее на руках – решения нескольких судов о ее полной вменяемости с отказами в ходатайствах прокуратуры о помещении ее в психиатрический стационар. А ты представляешь, вопреки какому давлению судьи вынуждены были дать такие решения? Ты понимаешь, что ни одному человеку в окружающем тебя мире не удалось бы уйти от психушки, помести его в такие условия? И ушла она вполне литературным методом, сделав из достаточно жуткого мероприятия – обычный фарс, над которым смеялись не только ее читатели, но и все коллеги – судей, прокуроров и психиатров. Вот и прикинь, какие у тебя шансы самому не попасть в психушку, если нынешняя Каллиопа, с подобным негативным опытом за плечами, напишет для тебя персональный счастливый конец?

- Что вы предлагаете? – резко спросил Мылин. – Признать, что мне плескал мочу какой-то наемный шпик отца моей гражданской жены? Я не могу подставить Антона Борисовича!

- Если бы ты знал, как мне надоели эти мелкие уловки! – покачала головой Эвриале. – Сейчас ты вспомнил, что Даша – твоя гражданская жена. Перспектива признания очевидного факта – для тебя гораздо ужаснее честного покаяния. А ведь этот факт может выявиться и без твоего желания или нежелания. Пока ты еще не совершил ничего непоправимого, подумай! Вот у одной вашей Каллиопа был роман про преступление и наказание, так там девушка умоляет покаяться молодого человека, совершившего убийство старухи-процентщицы, непоправимое насилие над собственной душой! Она просит его выйти, упасть на колени и покаяться перед людьми!

- Мне не в чем каяться! – с негодованием перебил ее Мылин. – Я наоборот хочу, чтобы все, кто думал плохо обо мне эти последние два года, – раскаялись и получили по заслугам! Я себя считаю слишком мягким, слишком нерешительным! Они все ненавидели меня! И, случись это со мной на самом деле, еще бы смеялись за моей спиной!

- Значит, это и есть твое желание? – тихо переспросила Эвриале, забирая у него тарелку и подавая ему поднос с пластмассовыми креманками с джемом, маргарином, крошечными крекерами и бисквитами. – Жаль, действительно очень жаль. Вот и ответ на твой вопрос, почему ты не стал музой! Ты хотел бы карать чужие пороки, а муза вдохновляет...

- Проявить лучшие душевные качества! – закончил ее мысль Мылин, морщась, будто А знаете, они в тюрьме и страдании еще лучше проявляются, чем в тепличных условиях и потакании наглцам!

- А к себе ты это можешь отнести? – поинтересовалась Эвриале, добавляя в его маленькую, будто игрушечную чашку кофе с цикорием из пластмассового кофейника. – Видишь, многие пытались исправить несовершенства этого мира, например, разбойник Прокруст. Надеюсь, крылатое выражение о прокрустовом ложе ты слышал? А муза видит самое прекрасное в этом мире! Вот видишь, у меня уже пошли какие-то литературные и мифологические ассоциации, поэтому времени у нас остается очень мало, тобой явно интересуется Каллиопа. Мне так жаль

того смешного малыша, которым ты был когда-то. Как видишь, можно исправить близорукость, снять катаракту, можно и целиком поставить себе другие глаза и даже чуточку иначе увидеть мир. Но важно то, каким ты хочешь видеть этот мир...

- Я все давно понял про этот мир без вашей Каллиопы, - презрительно морщась, отозвался Мылин. – Здесь либо ты имеешь, либо тебя отымеют. А меня уже имели достаточно! Теперь моя очередь!

- Да-да, так и есть! – кивнула Эвриале. - Можно убрать морщинки, подправить овал лица и вернуть себе молодость. Но душа... она так портится в ваших прекрасных телах, так стареет... Вот, мне уже хочется вспомнить роман «Портрет Дориана Грея» Оскара Уайльда, она точно уже пытается до тебя добраться! И это ее право, помешать я ей не могу...

- Пусть добирается, - с ненавистью ответил Мылин. – Ничего она не добьется своими счастливыми концами! Ведь если конец счастливый, он должен быть счастливым для всех! Как раз для полного счастья мы завтра поедем по Европе! И впереди гастроли в Лондоне, где вашей Каллиопе побывать не удастся...

- И где писался роман «Портрет Дориана Грея», - грустно отозвалась Эвриале, собирая посуду в свою тележку. – Ты даже не представляешь, с чем пытаешься шутить. Вряд ли ты ее перешутишь, дружок! Прощай, мне уже пора! Счастливого съездить по Европе и увидеть мир новыми глазами.

...Мысль, о том, что все с Дашкой могло получиться иначе, пришла в тот момент, когда они возвращались назад. Кукольные ухоженные городки, где время текло совсем иначе, где никто и никогда не ставил масштабных задач и грандиозных свершений, а тем более не устраивал внезапных «переходных периодов», - наполнили его душу созерцательным покоем и счастьем. На минутку представив себе, как суежилась бы рядом Каролина, как тянула бы его в магазины и шарахалась бы от размеренного бургерского быта с неизменными вечерними посиделками в кафе с газетой, он тихо порадовался, что рядом с ним была не она, а молчаливая заботливая Даша.

С погодой им повезло, в Европе царствовала ранняя, дружная весна, бившая все рекорды по погожим теплым дням, когда можно было часами отдыхать в парке среди просыпавшихся от зимней спячки вековых деревьев, отогреваясь на солнышке за всю тревожную зиму, полную небывалой нервозности. Глядя на проплывавшие над ними облака, он подумал, что слишком мало они с Дашей выезжали куда-то вместе. К тому же их нормальным отношениям всегда мешал назойливый Антон Борисович, вносивший в их семейную жизнь какой-то нездоровый антагонизм.

Вернувшись в Германию, в городок при университетской клинике, Мылин решил не возвращаться в госпиталь. Выключив телефон, постоянно пищавший сообщениями от Каролины, он поехал с Дашей на съемную квартиру, где она жила одна в ожидании очередного посещения клиники. За поездку у них накопилось столько взаимных теплых чувств, что, закрыв двери, они обнялись и долго стояли, будто встретились после невыносимо долгой разлуки. Они пили чудесный кофе по-турецки, который Даша варила всегда превосходно. В окнах висели низкие крупные звезды, не такие далекие и холодные, как в России. Они замечательно провели ночь, будто заново открывая друг друга.

С утра он вернулся в поликлинику, в свою палату. Она показалась ему крошечной, но вполне уютной. Тут же вошла медсестра, предупредившая его о профессорском обходе. Странно, почему раньше профессор напоминал ему попугая, возможно, из-за белого хохолка и невыносимого нервного напряжения, спавшего с его души где-то на границе Бельгии.

Профессор был вполне доволен его видом и настроением, громко объявив на весь коридор: «Ichbinsehrzufrieden! DerProzessderGenesunghatangefangen!»

Позвонила Даша и они немного поболтали о минувшей поездке, выразив сожаление, что так много работали, так мало времени уделяя совместному отдыху. И на ее фразу «Я люблю тебя!» он впервые за много лет без всякого внутреннего напряжения с легкостью ответил: «Я тебя тоже!»

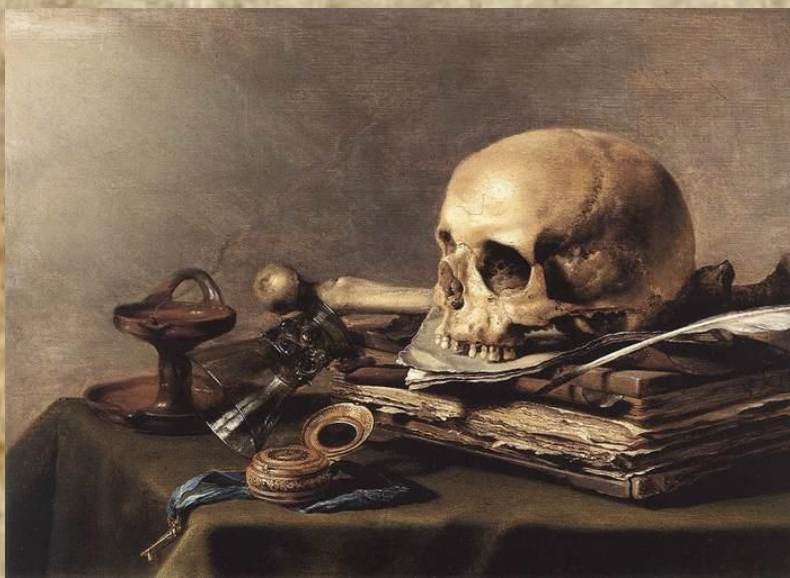
День, зажатый в строгие рамки больничного режима, пролетел незаметно. Небо за окном потемнело. Почему-то в густых сумерках, перед тем, как в палатах зажегся яркий свет, он еще раз вспомнил бледное лицо с вившимися вокруг него тугими локонами, похожими на встревоженных змей и тихие слова: «Значит, это и есть твоё желание?»

Если бы она спросила его теперь, он бы тоже ответил, что его цели сильно поменялись после поездки. Он хотел бы еще много-много таких же безмятежных счастливых дней, наполненных Дашиной заботой.

Решив лечь пораньше, он подошел к умывальнику, взял зубную пасту и щетку из зеркального шкафчика, висевшего над раковиной. Дверцу шкафчика немного заедало, поэтому Мылин даже обрадовался, что она оказалась раскрытой. Он почистил зубы, умылся, наслаждаясь прикосновением к помолодевшей, упругой коже без растяжек и обвисания. Взяв мягкое вафельное полотенце, пахнувшее свежестью, он бережно промокнул влагу с лица, старясь не растирать почти незаметные рубчики от круговой подтяжки. Смешно, но с детства он, умывшись, никогда не открывал глаза, не промокнув их полотенцем, всегда удивляясь тем, кто мог без проблем открывать глаза под водой.

Подумав, что завтра дверцу надо будет опять открывать с большим трудом, когда пальцы будут соскальзывать с небольшой неудобной больничной ручки, он осторожно прикрыл зеркальную дверцу и уже потянулся к выключателю возле двери, чтобы погасить свет. Увидев странное отражение в зеркале дверцы, он так и застыл с вытянутой рукой, с недоумением вглядываясь в зеркало.

Вначале он подумал, что это какая-то шутка, может быть, даже наклейка на дверце шкафа. Возможно, кто-то решил так зло над ним подшутить. Он поднес руку к лицу – но отражение в зеркале сделало то же самое. Чисто инстинктивно он потрогал свое лицо, брови, ресницы и волосы были на месте, но из зеркала на него смотрел оголенный череп, потому что у человека в зеркале на висках и почти до макушки были выжжены волосяные луковицы. Верхней губы практически не было, поэтому верхние зубы с оплавившейся эмалью были обнажены, розовая сморщенная кожа едва прикрывала скулы. Казалось, что из зеркала на него смотрит его собственный череп, остатки кожи на лице создавали иллюзию лукавой, почти счастливой улыбки.

Он закрыл глаза, решив, что когда он их откроет, все встанет на свои места. Но когда он открыл их, из зеркала на него взглянуло его обожженное серной кислотой лицо, страшную улыбку которого смягчали слезившиеся глаза с оттянутыми вниз веками. Страшные фиолетовые рубцы очерчивали кислотные подтеки, а половина правой щеки ушла вниз. Ему показалось, что кожу лица действительно тянет от рубцов, но, прикоснувшись к лицу, он понял, что никаких рубцов у него на лице нет и в помине. Он взглянул на свои

руки, они были абсолютно нормальными, с ровной ухоженной кожей. Но стоило ему поднести их к зеркалу, он увидел, что вместо его отполированных ногтей – обезображенное отражение горестно разглядывает с трудом отрастающие короткие кривые ногти с нелепо торчащими красными кончиками пальцев. На внешней стороне ладоней были коричневые пятна пересаженной кожи.

Он пожал плечами, выключил свет в туалете и вышел в палату. Но в отражении зеркальной дверцы в платяном шкафу вновь увидел этот улыбающийся череп с нездоровой пигментацией

обожженной кожи. Руки зеркало отражало с раздувшимися изуродованными пальцами. Даже на шее был шрам на месте подтека кислоты, напоминавший рубец от сабельного удара наотмашь. Мылин лег на кровать, закрыл глаза. «Портрет Дориана Грея!» - крутилась в мозгу навязчивая мысль. Перед глазами стояла жуткая безобразная улыбка его уродливого отражения. Хуже всего, что места шрамов отражения начинало тянуть какими-то фантомными болями, а воспаленная голая кожа на висках невыносимо чесаться. Он понимал, что лучше не думать о том, каким его могут отразить зеркала, пытаюсь сосредоточиться на том образе помолодевшего красавца, каким он утром ушел в клинику от разметающейся во сне Даши. Но все его саднившее от ожогов лицо пробило холодным липким потом, когда он понял, что не только не может вспомнить каким был раньше, но даже не может связать свое лицо с фотографией абсолютно чужого человека, смотревшего на него с фотографии на паспорте. Он подошел к зеркалу, вновь увидев страшную улыбку голого черепа, с которого кислота смыла все человеческое. Понимая, что с этим лицом ему придется жить всю оставшуюся жизнь, он прошептал себе идиотскую фразу, запомнившуюся из какого-то старого фильма.

*Беззащитный человек утопает в море.
Хоть улыбка на лице, а какое горе!*

* * *

- Х-хочу об... обратиться к с-сестрам за помощью! – дрожащим голосом сказала Эвтерпа, заикаясь. – М-мне срочно нужен счастливый конец!
- Без пошlostей, пожалуйста! – нарочито строго заметила Урания, тут же расхохотавшись вместе с Клио.
- Я не про это... мне сегодня из прокуратуры звонили! – сказала Эвтерпа потеряннм голосом, хихиканье муз сразу же стихло.
- Кто звонил? В смысле, мужчина или женщина? –с тревогой спросила ее Каллиопа.
- У меня дочь трубку взяла! – запричитала Эвтерпа. – А там мужик таким замогильным голосом говорит: «Мать позови! Это из прокуратуры звонят! Я сейчас отучу твою мать музу из себя корчить!» Она испугалась и трубку бросила...
- Успокойся! – резким тоном ответила Каллиопа. – Я его образ словила, очередной гомункул Келайно! Сейчас ему станет здорово не до тебя! Чтобы такое устроить?.. Ага! Давай так! Сейчас в его районе неожиданно тормознут вашего мэра на взятке, подняв все правоохранительные органы по тревоге!
- Ой, что вы такое несете? – зарыдала Эвтерпа. - Уже почти час ночи, я боюсь спать ложиться! Вдруг они рано утром придут с обыском, как к вам? Наркотики сунут – и прощай все планы на завтра!
- Так, все успокоились, я пишу! – заорала на нее Каллиопа. – Итак!

Около часа ночи черный Mercedes без номеров и «Газель» преграждают дорогу машине градоначальника, выезжавшей из темного дворика на трассу федерального значения. Из «Газели» выскакивают спецназовцы, а из Mercedes - люди в штатском, ловкими, отточенными движениями заламывая руки мэру города, в котором живет Эвтерпа. Они сажают мэра в свою машину, а всех пассажиров машины мэра – уводят в «Газель». Мэр задержан и арестован на два месяца вместе с людьми из своего ближайшего окружения.

По версии сыщиков, мэр вымогал многомиллионный «откат» у местного бизнесмена-единоросса за возможность иметь единоличную монополию на вывоз твердых бытовых отходов и уборку городских улиц. Но перед тем, как потребовать взятку от единоросса, мэр уже принял взятку от другого предпринимателя, депутата городской думы Германа Хачикяна, причем, на тот же самый подряд вывоза ТБО и уборку улиц. У следователей есть видеозапись получения взятки, предусмотрительно сделанная гражданином

Хачикяном, давно подозревавшего мэра в нечистоплотности и сепаратных переговорах о вывозе мусора с единокоросами.

Сам мэр утверждает, что ему якобы мстят за то, что он намеревался в сентябре этого года идти на выборы в Заксобрание от партии «Гражданская реформа», а не от партии «Единой России», именно по этой причине он договаривался с бизнесменами-единокоросами, уговаривавшими его плюнуть на «Гражданскую реформу». Оговаривавшиеся средства вовсе не были «откатом» или «благодарностью» за уничтожение бизнеса гражданина Хачикяна. Мэр лишь объяснял, в какую сумму выльется избирательная кампания от партии «Единая Россия», планируя потратить средства на ремонт набережной, строительство физкультурно-оздоровительного комплекса и детского сада для слабовидящих детей – исключительно для поднятия пошатнувшегося имиджа партии. Той же ночью советник мэра, которого правоохранительные органы подозревали в посредничестве, скрылся и объявлен в розыск. По версии следствия, именно через советника арестованного мэра была передана часть взятки от бизнесмена в размере полумиллиона долларов.

- Как мэра? Прямо мэра? – растерялась Эвтерпа.

- А кого еще? – удивилась Каллиопа. – Я же никого у вас особо не знаю, а мэр у вас точно должен быть! Вот пускай мэром занимаются. Это надолго у них отобьет охоту травить незащитных дам, увлекающихся классическим искусством. А тот, кто тебя телефонным звонком напугал, к утру должен будет подготовить доклад в Заксобрании по поводу ночного ареста, и объяснить, почему он раньше не оказывал прокурорского реагирования на вашего мэра.

- Да как-то... неожиданно это все, - прошептала Эвтерпа.

- Я не хочу, чтобы вот такое привязывалось к тебе, когда нам совершенно некогда тратить время на то, что они там считают... экстермизмом. Тьфу! Ну, вы поняли меня! – безапелляционно заявила Каллиопа.

- А что, у вас мэр хороший? – участливо поинтересовалась Урания.

- Да... как везде. Обычный, короче. Но странно как-то, - пробормотала Эвтерпа. – А откуда вы про Хачикяна знаете?

- Да просто подумала, кто у вас занимается уборкой и ТБО, так сразу как-то всплыло имя «Герман Хачикян», но оно вполне может быть условным, - пояснила Каллиопа.

- Как пишут: «Все имена и фамилии изменены», - рассмеялась Клио и поинтересовалась у Эвтерпы: «У вас мэр что, взятки не берет?»

- Не знаю, наверно, берет, как все, - пожала плечами Эвтерпа. – Он недавно говорил, что ему зарплата мэра кажется «просто смешной». Мэр в нашем городе получает сто тысяч рублей. Ему смешно, а нам, при средней зарплате в пятнадцать тысяч, как-то не очень весело.

- О, девочки, я уже что-то такое чувствую, - сообщила всем Каллиопа. – Сейчас его тормознут, рылом в асфальт сунут, наручниками щелкнут и все такое... Застоялись ребята без дела! Обстановка немного оживится, и мы проскочим на вороных!

- Так он ведь не самый плохой в стране! – попыталась слабо протестовать Эвтерпа.

- А при чем здесь страна? – ответила Клио. – Ты вообще мэров сортировать собираешься или свою прокуратуру занять настоящим, большим делом?

- Мне вообще читать смешно эти филологические определения «реализма в литературе»! – мрачно вставила Каллиопа. – Вот когда пишет настоящий писатель-реалист, то все сбывается в реальности! В этом и состоит творческий принцип реализма, а не когда пытаются реальность подправить из мелких соображений, какая партия прикармливает писателя. Конечно, надо успеть написать счастливый конец для народа!

- А разве это... счастливый конец? – не унималась Эвтерпа.

- Для вашего мэра не очень, - согласилась Каллиопа. – Но, согласись, закономерный! А потом ведь он точно делал заявления, что страсть как хочет победить коррупцию в вашем городе. Вот

пускай и борется с коррупцией собственной тушкой, чтоб мирные люди рядом не страдали от их очередной «борьбы».

- А потом... что будет?
— совершенно растерявшись, спросила Эвтерпа.
- А потом он в колонии перевоспитается и осознает, - ответила Каллиопа. — Он глубже поймет жизнь и ее простые радости: недокурный бычок, вечерний чифирь, теплые кальсоны... Холодным осенним днем, под принизывающими порывами северного ветра он вернется в родной город, где его взяткой подставил тот армянин, который у вас мусор вывозит. Бывший мэр решает ему за все

отомстить. В тюремной фуфайке он сидит на скамейке в заброшенном парке и курит, курит, курит... Все кажется ему в родном городе незнакомым, из каждой подворотни лезут навязчивые воспоминания... Звучит шансон про Владимирский централ, полный проникновенной ностальгии... В истории, конечно, замешены олигархи, заигрывающие с оппозицией, коварные держательницы публичных домов, мусорщики, циничные уборщики улиц и алчные владельцы естественных монополий.

- Ни фиги себе! — восхитилась Эвтерпа.

- А ты напишешь детектив, где загадочные убийства самых именитых мусорщиков расследует женщина, живущая на городской свалке, - продолжила Каллиопа. - И там ты вполне можешь написать, что у бывшего мэра и бомжихи с помойки начинается новый жизненный этап, любовь-морковь и все такое! От погони они уходят на горящем мусоровозе!

- Вот это да! — зачарованно произнесла Урания. — Я бы сама такой блокбастер с удовольствием посмотрела.

- Вот видите! — с удовлетворением сказала Каллиопа. — У вас совершенно шаблонное восприятие счастливого конца! Какое-то безыдейное и аморальное — «украл, выпил, остался безнаказанным и вывез кучу бабла на Кипр!» А ведь по-настоящему счастливый конец должен вдохновлять! Он должен вызывать духовный катарсис! И как еще можно создать счастливый конец для дамы, которая лишилась квартиры из-за преступной деятельности «черных риэлторов» и теперь живет на помойке? Должен же быть и на ее... гм... свалке... праздник?

- Соглашайся, Эвтерпа! — расхохоталась Клио. - Прославишься, деньгу зашибешь!

- Ладно, - снисходительно поддержала ее легкомысленный тон Эвтерпа. — Назову роман «Любовь из мусоропровода», получу литературную премию, и мы все поедем в Прадо наяву, а не во сне!

- Отлично! Уже начинает получаться! — похвалила ее Каллиопа. — А теперь давайте, попробуем хором произнести их любимую фразу: «Мы вам устроим новый 37-й год!»

- Ты что? — испугалась Урания.

- Исполняю простое человеческое желание! Люди хотели почувствовать эту романтику ночных арестов, многочасовых допросов, инфантильных объяснений «у нас работа такая» и «у меня не было другого выхода» - пусть получают! Но ведь эти «веяния времени» лучше всего ощущаются не по звонкам из прокуратуры, чтоб ребенка напугать. Тут должен быть здоровый азарт, элемент интриги, когда никому пока не ясно, с какой стороны ему выпадет 37-й год коротать. А ну-ка, хором!

Музы нестройным хором произнесли: «Мы вам устроим новый 37-й год!»

- Так, думаю, со временем энтузиазма прибавится! – недовольно проворчала Каллиопа. – Что за черствость душевная? Люди хотят ощутить 37-й год! Так надо подарить им радость встречи с мечтой!

- Так у нас президент сказал, что нынче не 37-й год! – напомнила Урания.

- Потому что все рассчитывали, что 37-й год наступит локально и выборочно, - ответила Каллиопа. – А вот как-то для себя лично они не рассчитывали, что он может наступить. Вернее, они считали, что и в 37-м году сохранится их роль, которую они получили совершенно в другом году. Хотя никто не признавался, что хочет стать в 37-м году доносчиком или следователем НКВД, чтобы безнаказанно истязать всех, кого им захочется уничтожить в качестве «врагов народа».

- Они же хотят истязать! И уничтожать! – пискнула Эвтерпа. – Они говорят, что сами будут устраивать 37-й год!

- Да, а это только мы можем устроить ненадолго, а не они. Вернее, Клио может, верно? – уточнила Каллиопа.

- Вроде да... А я точно что-то такое могу! – неуверенно подтвердила Клио. – Мне кажется, что если фразу «Мы вам устроим новый 37-й год!» мысленно отрекошетить в разные стороны... на министерства, ведомства, администрации... То можно будет все-таки извлечь позитивный урок из этого сложного отрезка отечественной истории!

- Вот и пусть разбираются, кто и кому решил такое устраивать, - с нескрываемым облегчением сказала Урания. – Время уже позднее, думаю, пора отключаться. А то людям еще до утра не спать, мэру Эвтерпы «новый 37-й год» устраивать... Спокойной ночи! Счастливых концов и исполнения самых светлых желаний!

- Спокойной ночи! – прошептала Эвтерпа. – Вы меня так успокоили девочки, так вдохновили! Сразу так хорошо на душе стало!

- Да, пожалуй, нам пора спать! – устало ответила Каллиопа. – А те, кто хотел повернуть время, пускай хороводятся до утра, участвуют в театрализованных представлениях «маски-шоу» и ночных допросах... Спокойной ночи!

- Спокойной ночи! И приятных всем снов! – пожелала всем Клио. – А твоему прокурорчику, Эвтерпа, сейчас не до сна будет! Ой, не до сна!

* * *

Николай молча собирал свои вещи в гримерке, на дне ящика лежала пожелтевшая записка, написанная наспех рукой Мылина: «Коля! Я тебя не просто люблю, я тебя обожаю! Ты действительно король танца! Ты – Мельпомена! Твой Мылин». Он пожал плечами, сложил записку в коробку и огляделся. Вроде бы ничего здесь и не было, а все-таки накопилось две коробки.

В дверях скорбно молчали Глашенька и ее неразлучная спутница Мария Геннадьевна. В последний месяц они его так поддерживали, что он подошел и обнял старушек за плечи. Они тут же вцепились в его толстовку и громко, с причитаниями зарыдали.

- Так, давайте успокоимся, дорогие мои, - похлопал он по худеньким вздрагивающим плечам. – Никто не умер, все остались живы!

- Да, Колюшка, - с готовностью подхватила Глашенька, промокая платочком заплаканные подведенные глаза. – У тебя все будет хорошо! Тебя столько людей любят!

- Представьте себе, даже Мылин! – рассмеялся Николай. – Сейчас нашел его любовную записку на дне ящика. Уж не припомню, по какому поводу.

Старушки понесли две коробки с его мелочами к себе гардероб, он еще раз окинул свою гримерку последним взглядом, вышел и запер дверь, по привычке чуть было не положил ключ в карман, потом достал его и летящей походкой направился к вахте, держа ключ перед собой на вытянутой руке.

Письма о том, что с ним не будут продлевать истекающие контракты педагога-репетитора и солиста балета театра – пришли месяц назад заказными письмами. Посланы они были специально накануне премьеры новой постановки оперы «Князь Игорь». Он считал, что из-за освещения долгожданной премьеры его увольнение пройдет без особого шума, хотя сами безликие бумажки, которые ему вручили в достаточно жесткой форме, заставив расписаться в уведомлении, нанесли ему достаточно ощутимый психологический удар.

От него явно добивались какой-то негативной публичной реакции, чтобы объявить, будто именно он сорвал так долго готовившуюся премьеру «Князя Игоря».

Еще до премьеры многие критики, побывавшие на прогонах и репетициях, высказывались крайне негативно о концепции новой постановки. По сравнению с прежними, горячо любимыми зрителями постановками, опера была сокращена на полтора часа, якобы для «придания динамичности» действию, как обтекаемо выражались сторонники сокращений. Вместе с тем, сама трактовка этого действия стала такой, будто опера «Князь Игорь» была написана Бородиным в качестве «духовной притчи» о предательстве князя Игоря и его моральной нечистоплотности. Накануне увольнения директор несколько раз, намеренно демонстративно выискивая взглядом в зале именно его, громогласно заявлял, будто «Князь Игорь» - это «романтическая история о том, куда могут завести нездоровые амбиции, сколько несчастий принести окружающим людям и Родине в целом».

Приглашенный для постановки оперы старый театральный режиссер в одном из своих интервью декларировал возврат к литературному первоисточнику, «Слову о полку Игореве», как к «истинно русской ценности». Его творческая позиция определяла музыке Бородина роль не слишком удачной иллюстрации к тексту. Он заранее отказывал четырехчасовой опере Бородина в масштабности, монументальности, будто всем своим видом показывая, что рассматривает постановку такой оперы чем-то «несерьезным» для себя. Вряд ли он понимал, что сам текст «Слова» был эпическим, не являясь драмой, а тем более – беллетристикой.

Николай знал, как сложно или почти невозможно преодолеть искреннее непонимание дилетанта. Режиссер постоянно как бы шуточно восклицал: «Почему в этой опере так много лишних нот?» С надеждой воспринявший поначалу его приглашение в театр, весьма осторожно относясь в целом к подобному «новаторству», он полагал, что как умудренный опытом человек, этот режиссер все же любит оперу и музыку, иначе, зачем ему братья на старости лет за такую грандиозную задачу. Но, побывав на репетициях, увидел, как раздражает этого человека любая «слишком длинная» музыкальная фраза. Он пришел в их театр только за гонораром, а предложить что-то театру в ответ ему было уже нечего. По его брюзжанию было видно, как он не понимает, не слышит, не любит музыку. А каждая репетиция оставляла тягостную мысль, почему же люди, которые так не понимают, не слышат и не любят музыку, без проблем доминируют в их театре?

...Ни с кем о предстоящем увольнении из театра он решил не делиться, а, сжав зубы, выдержать последний месяц работы, беззаботно пожимая плечами на вопросы, продлили ли с ним контракт.

Пока он пытался сообразить, как же ему оставить своих учеников и мысленно расставался с последними надеждами попасть с театром на гастроли в Лондон, продолжить карьеру, реализовать творческие планы... начались звонки. Включив телевизор и просмотрев новостную ленту в планшетнике, он понял, что прославленное имя театра полоскается на всех

радиостанциях и газетах. Как он понял, сама Никифорова лично сделала какие-то заявления для прессы о его предстоящем увольнении. Несколько раз он ее даже видел в новостных сюжетах, удивляясь, почему он столько лет не замечал, как она походит на неуклюжую встревоженную черную птицу.

Его удивило, что информационное пространство, кроме наиболее ангажированных изданий, наполнено вполне человеческим отношением и сочувствием к нему. Несколько первых попыток облить его грязью были немедленно уничтожены, настолько быстро, что, отвечая на вопросы корреспондентов BBC, Bloomberg и других информационных агентств, он уже почти не вспоминал о них. Губернатор большого северного края выступил с предложением создать ему все условия для работы и создания национальной школы балета его имени. С приглашением выступил театр в Бордо, позвонили друзья из гастролирующих балетных трупп и сообщили, что в Лондон он поедет с ними и будет выступать хоть и не со своим родным театром, но на той же площади, где стоит «Ковент-Гарден».

Он уже начал успокаиваться, понимая, что уже понемногу справляется с нанесенным ударом, который, сколько бы он себя не готовил к такому повороту событий, все же пришелся по нему неожиданно.

Собственное, вся его «психологическая подготовка» заканчивалась вопросом: «А кому еще

танцевать на этой сцене, если не ему?» Конечно, театр двести с лишним лет был и до него, и он надеялся, что его любимый родной театр будет блистать и много веков после него. И вряд ли кто-то мог отрицать, что два последние десятилетия имя театра было неразрывно связано с его с именем. По крайней мере, для тех людей, кому дорого настоящее искусство.

В своих построениях он просто не учел, что ему противостоит не совсем человеческая логика, причем тех, в чью задачу как раз и входит уничтожить искусство. Но в силу того, что он сумел сдержаться, хотя пережитая им ночь после получения уведомлений об увольнении стала одним из самых страшных моментов в жизни, - заявление Никифоровой все расставило по своим местам. Оно раскрыло глаза настолько, что и проплаченные публикации о том, как хорошо будет театру после его увольнения, только добавили масла в огонь. Будто не только у него, но и у всех появилась загадочная камешка, которую так сосредоточенно искали следователи после попытки взломать двери в его квартире.

На их лицах было написано горячее желание обыскать и его самого, останавливали какие-то «пустяки», вроде того, что это не он вломился в чужую квартиру, а они находятся в его доме. После своего увольнения он несколько раз слышал, как очень выдержанные и крайне щепетильные в выражениях Глашенька и Мария Геннадьевна с нескрываемым презрением шепчут вслед Никифоровой: «Гарпия!»

...А тогда ему было невыносимо больно, потому что в нем сразу начало умирать множество надежд. Несмотря на длительную травлю, развернувшуюся сразу после нападения на Мылина, он работал с удвоенной энергией. Зрители чутко реагировали на каждое его движение, зал рукоплескал, и даже недруги признавали, что никогда еще не видели настолько блестящего исполнения. Что же еще можно было учитывать при продлении контракта, если не это?

С горечью он покончил и с надеждой, будто неизвестная ему Каллиопа могла бы предотвратить это увольнение, которое сейчас обсуждала не только вся страна, но и мировая общественность. Он посмотрел, что она говорит, и будто услышал шепот Глашеньки: «Николай остался жив, его все любят, все ему сочувствуют и презирают тех, кто лишил нас счастья видеть его на сцене! У него все будет хорошо!»

И когда ему позвонили с арабского канала «Аль-Джазира», он уже не выдержал и расхохотался в телефонную трубку.

- «Аль-Джазира» - это уже слишком даже для меня, - сказал он корреспонденту, явно обрадованному его веселым тоном. – Разве в арабских странах смотрят балет?

- Некоторые смотрят, - уклончиво ответил корреспондент. – Нынче в наших странах много смешанных браков. У нас очень интересуются тем, как события в странах арабского мира воспринимаются в России. А у вас все стараются ориентироваться на то, что пишет одна женщина в Интернете...

- Мадам Огурцова, - фыркнул Николай.

- Да-да, она! – с готовностью подтвердил корреспондент. – Она у вас - уважаемый, влиятельный источник. После ее высказываний во многом меняется и официальная точка зрения. Она много писала о вас, ставила ролики с вашим исполнением. У вас сейчас в арабских странах появилось много поклонников, уважаемый Николай!

За много лет из театра по разным причинам уходило много талантливых артистов и музыкантов - с тяжелым сердцем, после затяжных конфликтов. Его уход несколько выбивался из общей череды громких увольнений, поскольку каждый день он проходил через пикеты своих поклонников, стоявших с плакатами в его поддержку.

Такого еще не было за всю историю театра. Впервые в театральный конфликт вмешалась публика, впервые незнакомые люди открыто выступили в поддержку артиста.

Проходя возле людей с плакатами, он впервые вглядывался в их расстроенные лица, полные сочувствия. Пикетчики были разного возраста, как он и догадывался раньше, среди них преобладали женщины. Стоило им увидеть его, они начинали скандировать хором: «Верните в театр Мельпомену!» Они старались пожать ему руку, обнять, не отделенные от него рампой зрительного зала, каждый раз удивляя тем, как много человеческого тепла накопилось в людях за минувшую зиму.

И если до этих теплых встреч у театрального подъезда у него еще проскальзывала мысль о необходимости поговорить с кем-то из администрации даже не о себе, а о своих учениках, - то сейчас он понял, что больше никому из этих не скажет ни одного слова в жизни. У всего есть предел, он почувствовал, что в своих отношениях с дирекцией такого предела достиг и он. Публика навсегда избавила его от самых ничтожных колебаний, навсегда отделив его от ненужных, обременительных отношений с теми, кто давно предал искусство.

Корреспонденты изданий, еще недавно поливавших его грязью, сейчас откровенно заискивали перед ним, униженно выпрашивая интервью, не стесняясь спекулировать на своем возможном

увольнении в случае его отказа. Он пожимал плечами и спокойно отвечал: «А мне-то какое дело? Меня уже уволили. И разве не вы так добивались моего увольнения?»

Он наотрез отказывался комментировать свое «отношение» к увольнению, из которого администрация театра и Министерство культуры намеренно делали какое-то публичное шоу. В прессу уже просочились скандальные подробности минувшей премьеры, где носки и сапоги исполнителей по смете лишь стоили больше десяти тысяч рублей. По закону уведомление об увольнении ему должны были вручить на две недели позднее, но обсуждение его изгнания из театра стало «отвлекающим маневром». Его личную трагедию цинично использовали, чтобы переключить на него внимание публики - с ужасной постановки оперы «Князь Игорь» с безобразными костюмами и декорациями, со слабым исполнением главных партий, непременными полуголыми девицами на сцене и сомнительной трактовкой либретто. Он категорически отказывался разговаривать с людьми, совсем недавно глумившимися над ним в печати. Но общественный интерес к нему был настолько огромным, что некоторым журналистам приходилось идти на различные уловки. Так, в ответ на согласие рассказать о своих ближайших планах на будущее, он в качестве ответной любезности получил билет на премьеру американского фильма «Одинокый рейнджер» с последующей пресс-конференцией приехавшего поддержать фильм кинозвезды Джонни Деппа.

С легким сердцем он напомнил журналисту, что отработал двадцать один год в театре, зачастую не имея возможности полноценно отдохнуть. И как только начал танцевать, много гастролировал именно в летние месяцы, за первые семь сезонов он вообще ни разу не был в отпуске. И ничего хорошего в этом не видел. Потом долго зарабатывал квартиру, а как только закрыл бытовой вопрос, стал отказываться от чрезмерных поездок. Стоило у него появиться собственной крыше над головой, он решил, что всех денег не заработать, на жизнь хватает - и ладно. Он никогда не страдал желанием грести под себя: мне, мне, мне... Просто был немного иначе воспитан.

- Я же предупреждал вас, что вы добивались встречи не вовремя, но вы настаивали на интервью, - сказал он журналисту, не скрывая раздражения, вертя в руках пригласительный билет на Джонни Деппа. - Сейчас мне нечего сказать. Кроме того, что впереди отпуск.

- Бессрочный, - съязвил задетый за живое корреспондент.

- Какая разница? – пожал плечами Николай.

- Планами на отпуск поделитесь? – с нескрываемым любопытством спросил журналист.

- Я суеверный, - пояснил Николай в вальяжной манере, так раздражавшей охочих до скандальных подробностей представителей прессы. - Козерог и Бык. Не люблю рассказывать о том, что впереди. Однажды в молодости допустил ошибку, упомянув в интервью спектакль, в котором собирался танцевать. Он не случился. Все, больше ничего не озвучиваю.

- Официально вы уже пенсионер? – проявил поразительную осведомленность журналист.

- И ветеран труда, - спокойно кивнул ему Николай. - Солисты балета, имеющие пятнадцать лет стажа, могут так поступать. Не стесняюсь своего шага. Бесплатно езжу на муниципальном транспорте, хожу в музеи, пользуюсь льготами при оплате коммунальных услуг. Что постыдного? Я все честно заработал. Те мои коллеги-ровесники, кто не оформил пенсию, надеются, что это позволит им удержаться в театре. К сожалению, это не так.

- Давайте, отмотаем пленку чуть назад, - предложил собеседник, и Николай задумался, не вернуть ли ему пригласительный билет. – Вот вы, Николай, в театре с 92-го, директора назначили туда в двухтысячном. Через год вы стали народным артистом и получили первую Госпремию России, еще через два года - вторую... Кто поверит, что эти награды вы получили бы, если бы директор вас не продвигал? Награды вряд ли случились без ходатайств со стороны администрации театра. Может, причина увольнения в вашем скверном характере?

- Директор здесь абсолютно ни при чем, - возразил Николай. - Списки на присвоение звания народного составлялись до его прихода. Был юбилей театра, тогда многих артистов отметили. К моменту моего награждения я проработал в театре более восьми лет, а он - всего лишь пять месяцев. Давайте учтем, что специального образования он не имеет, ничего не понимает ни в

опере, ни в балете. На первую Госпремию меня выдвинула «Золотая маска», чьим лауреатом на тот момент я был уже дважды. К слову, по сей день остаюсь единственным танцовщиком, удостоенным трех «Масок». В 2003-м Госпремию получила «Пиковая дама» - балетмейстер и два главных исполнителя. Спектакль ставили для меня и на меня, о чем неоднократно заявлял сам выдающийся французский постановщик. Попутно замечу, что это единственная Государственная премия в нашем театре за последние тридцать лет. О, надо же! К ней оказался причастен я, такой плохой и скандальный. Опять у вас не клеится.

- Собственно, я ничего не клею, лишь пытаюсь разобраться в корнях конфликта, - спокойно и как-то излишне цепко вернул его журналист к «истокам конфликта».

Николай посмотрел на него с растущим интересом, сразу вспомнив эту нарочито безразличную интонацию, с которой с него снимали допрос после нападения на Мылина. Все же журналисты, как правило, были более заинтересованы в поддержании добрых отношений, стараясь не портить отношения, а сохранить их на будущее.

Впрочем, этот журналист мог быть настолько несведущ в балете, что заранее ставил на нем крест, считая, будто увольнение из театра действительно могло означать его окончательный выход на пенсию на пике формы. Но среди огромного числа корреспондентов различных изданий, бравших у него интервью, этого выделяла слишком жесткая манера парировать собеседнику и единственная ассоциация к общеупотребительному обороту, обозначавшему ситуацию, когда что-то не клеилось. Похоже, что на уме у его пытливого интервьюера было лишь «клеть дело» или «шить дело».

- Повторяю: ни с кем не ссорюсь, - с тяжелым вздохом ответил он шпику, прикинувшемуся журналистом. - Это мне хотят прилепить клише скандалиста. А гадости в прессе в мой адрес пишут только анонимы.

- Ну почему? Бывший министр культуры ставит свою фамилию, - улыбнулся тот, показывая выдававшуюся верхнюю челюсть.

- А кто он, объясните? – тихо спросил его Николай.

- Ну, как же? – не оценил его недоумения шпик. – Бывший министр культуры, не хухры-мухры.

- И что? – продолжал недоумевать Николай. - Меня не волнует мнение отставного чиновника, который берется рассуждать, кому выходить на сцену? Тем более, когда мне уже вручили бумажку об увольнении? Этот господин сильно возмущается, что заслуженные руководители других театральных коллективов высказывают мнение о ситуации в нашем театре. Каковы его личные достижения в искусстве, что он смеет оскорбительно рассуждать о ведущем артисте главного театра страны? И что за требование с его стороны ко мне, высказываемое им в печати, будто мне «надо уходить тихо»? А с какой стати я вообще должен уходить?! Из-за того, что так хочет крышующий ситуацию бывший министр? Сам он у всех в ногах ползал, за штаны хватался, никуда не хотел уходить. А мне советы подает, как надо уходить! Какая низость!

- Похоже, по-прежнему готовы возглавить театр? – задумчиво поинтересовался шпик, и Николай понял, что этот вопрос и был настоящей целью его визита.

- Абсолютно! – ответил он, видя, как лицо собеседника будто выцветает на глазах и становится невыразительным. - Надо многое менять. Понимаете, бас не может петь тенором, а маленький кривоногий артист танцевать принца. Нам продолжают рассказывать, что очередная премьера прошла с триумфом, и зал был полон. Но в нашем театре всегда аншлаг! Этот театр обречен на успех. Туристы шли сюда, чтобы потом показывать билет как сувенир. Это называется «продавать люстру». Об уровне постановки можно судить после второго антракта: заходишь в партер и видишь половину пустых кресел. Людей нет! Это страшно... Реальную цену спектаклю и исполнителю безошибочно знают перекупщики у колонн театра. Там действует рынок: билеты на два «Лебединых озера» с разными танцовщиками будут сильно отличаться в цене. Вот настоящее мерило успеха и заинтересованности публики!

Он долго раздумывал, идти ли на Джонни Деппа после интервью, оставившего такое же неприятное чувство, какое долго не проходило после допроса. История блюстителя закона Джона Рейда, ставшего с помощью индейца Тонто легендарным мстителем в маске, честно

сказать, мало его вдохновила. Игра Джонни Деппа показалась ему маловыразительной и шаблонной. Возможно потому, что прекрасный актер никак не мог проникнуться образом индейца Тонто, у него был слишком кричащий бело-черный грим на лице, а вместо привычного индейского пера в волосах красовалась дохлая ворона.

Все персонажи фильма постоянно смотрели на часы, немного напоминая Белого Кролика из «Алисы в стране чудес». Наиболее интересные реплики касались времени, которое уже прошло или еще не наступило. Весь фильм герои, как Белый Кролик, гнались за ускользающим временем, и в конце фильма оставалось неясным, сумели ли они его догнать.

Вряд ли в своем душевном состоянии он мог испытать удовольствие от просмотра, в особенности, зная, от кого он получил пригласительный билет на премьеру. Довольно средний голливудский вестерн напоминал сюжетом фильма, которые он многократно видел когда-то раньше. Джонни Депп воспринимался им своеобразной приманкой, чтобы он решился пойти на этот фильм и напрасно потерять время, о чем ему постоянно напоминали крупные планы старинных карманных часов.

Николай смотрел, как Джонни Депп, игравший Тонто, постоянно подкармливает чучело вороны на голове, и видел перед собой странную горбатую фигуру Антона Борисовича с черной птицей, почти полностью закрывавшую его своими крыльями. Зрители смеялись, когда кто-то из персонажей фильма кричал Тонто, чтобы он прекратил кормить свою птицу, которая давно сдохла. А Николай при этом вспоминал вполне живой взгляд абсолютно черных глаз женщины-птицы, где зрачок, казалось, полностью заливал их чернотой. Казалось, будто она смотрела из бездонной пропасти, в которую тянула всех, на ком останавливался ее взгляд.

Его не удивило, что придя в театр после этого интервью с кинематографическим уклоном - первым, кого он увидел, был Антон Борисович собственной персоной.

- Выглядите подозрительно спокойным, Николай, - сказал он вместо приветствия.
- По-вашему, я должен биться в истерику? – ответил он, стараясь не глядеть на жуткую птицу Антона Борисовича, уставившуюся на него таким неподвижным взглядом, что на минуту ему показалось, будто на плечах тестя Мылина - огромное черное чучело.
- То ли это смирение обреченного, то ли вы что-то знаете и не говорите, - задумчиво сказал Антон Борисович.
- Все мы, родившиеся от женщины, обречены смерти, - философски ответил Николай афоризмом из Плутарха.
- Вы, значит, иллюзий не питали? – пропустил его колкость мимо ушей Антон Борисович, разглядывая свои ногти, птица на его плечах вдруг принялась чистить перья острыми цепкими зубами.
- Антон Борисович, я ведь поступал в театр в качестве солиста балета, а не в бухгалтерию, - удивился его вопросу Николай. – Я с юности готовился к тому, что моя карьера может прерваться и более неожиданным образом.
- Но все же ваше увольнение стало немного особенным, не совсем ожидаемым, да? – пожевав губами, спросил Антон Борисович с

каким-то плотоядным интересом, будто чужая боль интересовала его чисто в гастрономическом плане. - Я тоже заметил, как вы старались в последнее время, жилы рвали.

- Не для вас, Антон Борисович! – воскликнул Николай. - Да, в последнее время я выходил на сцену, как в самый последний раз! Я хотел оставить о себе именно такую память! Но и о театре, о том времени, когда я здесь работал. Дайте пройти!

- А что же ваша защитница не позаботилась, чтобы вы ушли отсюда нормально, без такой обиды, чтобы вы не судились с театром за свои выговоры, Николай? – ничуть не смущаясь, спросил Антон Борисович о Каллиопе. - Или болтать о «счастливых концах» - одно, а потом выясняется, что концы-то в других руках, да?

- Я бы никогда ничего не принял из ваших рук, - жестко ответил ему Николай. - И как вы смеее заявлять, что я судился с театром? Или, по-вашему, я булочками в переходе торговал? Театр - это кто? В первую очередь артисты, а в данном случае - я. Не понимаю, о какой защитнице вы говорите, но никогда не стану заводить себе такую защитницу, с какой срослись вы!

- То, что вы говорите, Николай, наверное, имеет право на существование, - сказал Антон Борисович, никак не прореагировав на его замечание о птице, с нескрываемой ненавистью обнажившей ряд мелких острых зубов. - Вот только зря трогаете Мылина, ставите под сомнение его тяжелую травму после покушения. Очень зря!

- Я задаю вопросы, на которые никто не хочет отвечать, - постарался сохранить спокойствие Николай. - Когда меня очень стараются в чем-то убедить, пытаюсь понять: а зачем? В ситуации с Мылиным с самого начала была странность, согласитесь. К тому же я имею богатый опыт общения с людьми, пострадавшими от сильных ожогов, прекрасно представляю, что это за мука. А тут нам рассказывают о кислоте в лицо и через сутки показывают вашего зятя по телевизору...

- Это не отменяет элементарного сочувствия к пострадавшему, - упрямо повторил Антон Борисович.

- Откуда знаете, выразил я его или нет? – возмутился Николай. - Вы постоянно со мной общаетесь, мы с вами живем в одной квартире?

- Опираюсь на публичные источники, ваши комментарии в прессе, - веско заметил его собеседник.

- И я обо всем сужу по публикациям, - парировал Николай. - Много не сходится с реальностью. В первый же день сказал: произошла трагедия. Хотите, чтобы заплакал? Могу легко это сделать, меня хорошо учили актерскому мастерству. Или прикажете к каждому интервью прикладывать баночку со слезами?

- Зачем? Лишь добавлю, что с марта трижды был в клинике в Германии, виделся с дочерью и зятем, - скорбно сказал Антон Борисович, в упор глядя на Николая. - А в последний раз наблюдал практически незрячего человека, которого надо водить за руку, предупреждая о количестве ступенек...

- Допустим, - оборвал его Николай. - И какое это ко мне имеет отношение?

- Ваши вопросы повисают в воздухе, вот и реагирую, как могу, - ответил Антон Борисович, попытавшись пожать плечами, но из-за нетерпеливо переминавшейся на его плечах птицы у него получилось лишь еще больше ссутулиться.

- Послушайте, ну почему никто не сочувствовал, когда я год болел, шесть месяцев провалился на койке, за три недели перенес десять операций под общим наркозом? – поинтересовался у него Николай. – Мылину вы же не задавали таких вопросов, хотя он ни разу мне даже не позвонил. А в мою душу все лезут, хотят увидеть, что там! Радуюсь я или огорчаюсь - это мир, куда не собираюсь никого впускать. Хотите меня в чем-то обвинить? Валяйте! Журналисты ждут ваших откровений! Только вам почему-то не нравится, как их воспринимает публика, да?

- Николай, я не адвокат одному и не прокурор другому, - почти примиряющим тоном откликнулся Антон Борисович. - Да и спрашивал не об этом.

- Отвечаю, - ответил Николай. - Мылин позволил использовать себя против меня. А может, это и был его план. Но я на роль жертвы не гожусь, понятно? В последние месяцы и с вашей подачи

упорно навязывается тезис, что Мылин ослеп. На днях одного талантливой исполнителя сняли с роли в новом балете «Онегин». На вопрос «Почему?» немецкий репетитор ответил, что Мылин посмотрел записи репетиций, которые ему скачали в его смартфон. Но типа решил, что моему ученику пока рано танцевать эту партию. Артист резонно заметил: «Но ведь Мылин ослеп. Как он мог увидеть?» Реплика осталась без ответа. Тем не менее, солист выведен из спектакля. Вот я и спрашиваю...

- Ладно, ваша взяла, - проворчал Антон Борисович. - Тогда последнее суждение, хотя, думаю, оно не понравится ни вам, ни Мылину. В этой истории вы оба, похоже, оказались пешками в чужой игре, заложниками ситуации. Пусть и с разных сторон.

- Я со школьной скамьи был большим поклонником Мылина, относился к нему с пиететом, - возразил Николай. - У нас разница в выпуске четыре года. С 2005-го мы сидели вдвоем в одной раздевалке и часто общались. Когда Мылин организовал письмо против меня и сам собирал под ним подписи, я перестал разговаривать с ним. Поэтому замечу, что ни в каких играх не участвовал. А жизнь меня научила одной простой истине: если ты не участвуешь в каких-то нечистоплотных играх, то никому не удастся использовать тебя в качестве пешки. Ведь это вы решили поговорить со мной, а мне эти разговоры абсолютно не нужны.

- Неделью назад в какой-то передаче ты меня назвал отцом сожительницы Мылина, - с ненавистью выдохнул Антон Борисович. Даша – не сожительница, а гражданская жена!.

- Как упали нравы! – с притворным возмущением ответил Николай. - Гражданская жена юридически - это когда в паспорте стоит штамп. А ваша дочь сожительствует с мужчиной, у нее в паспорте нет штампа.

- Сожительница – это какое-то советское слово, - нисколько не растерявшись, продолжал гнуть свою линию Антон Борисович. - Мало ли кто с кем живет. Условно Мылин ведь считает ее своей женой.

- Очень условно, - согласился Николай. – К тому же это удобно, когда контора, через которую Мылин устраивает гастроли, заказывает баснословно дорогие костюмы на новые постановки и обирает коллег – числится на юридически постороннем ему человеке. Вы ведь готовы на любую услугу для сожителя своей дочери, да? Сами вы в одной из передач заявили, что ваш гражданский зять попросил вас принести гантели в больницу. Но опять-таки мне хочется спросить, а вы до этой постановки с покушением что-нибудь читали про операции на глазах? Когда я слышу, с какой легкостью вы озвучиваете абсолютно недоказанные никем диагнозы, мне становится не по себе.

- По первому каналу уже объявили, что это была концентрированная серная кислота! – упрямо повторил Антон Борисович. – И следствие, как и суд, не примет во внимание заявления Загоруйко, будто он облил Мылина мочой! Он говорит это нарочно в свою защиту!

- Да, я уже читал его пояснения, будто он хотел не принести травмы, не убить, ни, тем более, покалечить, а именно унижить, - кивнул Николай. – Но хотелось бы поинтересоваться у вас, Антон Борисович, а вы химию в средней школе проходили? У меня мама была известным химиком, я химию очень любил. И поэтому когда Мылин сам говорит в телевизоре: «Я умылся снегом», - страшнее ничего нельзя представить. Тут же его показывают с абсолютно чистыми руками, с ресницами и бровями. Я тебе говорю: у меня есть только вопросы, я ничего не утверждаю, я не доктор, я не эксперт, но есть элементарная логика. А когда начались все эти допросы... мне стало все ясно.

- Допустим, что это масштабная постановка, - усмехнулся Антон Борисович с подчеркнутым недоверием. - А во имя чего? Во имя того, чтобы тебя посадить в тюрьму? Но тебя не посадили. Посадили Игнатенко! Ты-то чего в это дело лезешь?

- Я сейчас тебе говорю не как заинтересованное лицо, а как человек, который сам прошел это, - пояснил Николай. – Когда у меня была травма, я лечился в течение полугода во Франции. Мне каждую бумагу пришлось освидетельствовать здесь, в России, потому что, по нашему законодательству, заявление никакого иностранного доктора не имеет значения. Бумага должна быть получена и освидетельствование должно быть получено в России. И в данной ситуации, раз нападение на Мылина связано с судебными разбирательствами и уголовным делом, это

должна быть независимая комиссия, не та, которую выберет та или другая сторона, это должна быть большая независимая комиссия. Потому что от этого зависит судьба человека, и не одного, как мы видим. Нельзя так цинично относиться к людям. Поэтому рано или поздно встанет вопрос, почему Мылин отказывается приехать на территорию и лично участвовать в своей собственной экспертизе. И ответить на этот вопрос придется, Антон Борисович!

- Но все же видели всякие синхроны врачей, в передаче о здоровье даже освещались уникальные операции, которые были проведены Мылину, - уклончиво заметил Антон Борисович. – Когда он в Германию уехал, всем сообщалось, сколько там операций проведено. Всё время докладывали, страна эту историю болезни наблюдала он-лайн практически.

- Только почему-то больше никому после серной кислоты новую кожу на лицо не удалось подсадить столь же удачно, - отмахнулся от него Николай. - И в отличие от вас, я в Германии у Мылина не был и не собирался туда ехать. Кстати, вы в курсе, что планируется приезд пострадавшего на гастроли в Лондон и его чудотворное прозрение? Конечно, вы в курсе! Очередной пиар-ход? Готовьте английскую визу, Антон Борисович.

- А если этого не случится, ты извинишься? – продолжал бубнить он.

- За что? – удивился Николай.

- Хотя бы за тон, - рявкнул Антон Борисович.

- Я никого не оскорблял, лишь произнес вслух то, о чем все говорят в театре, - пытаюсь пройти в репетиционный зал, ответил Николай. – Говорят, Мылину и Даше семье уже сняли большую квартиру в Лондоне. Зачем, спрашивается? Он худрук балета, а не оперы, ему надо видеть, а не слышать. Или вы к нему в балетные поводыри нанялись, Антон Борисович?

Антон Борисович преградил ему путь, явно намереваясь продолжить беседу, которая уже начала откровенно тяготить Николая. Внезапно раздался странный звонок по мобильному телефону. Николай удивился странной мелодии зуммера, исполняемой на ксилофоне. Это была известная песня о советской милиции «Наша служба и опасна и трудна».

Антон Борисович больше не стал загораживать ему дорогу, прижавшись в стене, от чего птица у него на плечах недовольно завопилась. Николай, напротив, перестал рваться от навязчивого собеседника в репетиционный зал, сделав несколько пантомимных шагов на месте, решив во что бы то ни стало выяснить, кто же может звонить тестю Мылина. Опасливо взглянув на премьера, который всем корпусом продвигался к двери и в то же время, как будто, оставался почти на месте, Антон Борисович все же включил телефон и поднес его к уху.

- Вы совсем уже там, да? С катушек там съехали? – зло поинтересовался он, выслушав крик телефонной трубки. – Что значит «вместо него – гуси»? Что это значит, черт возьми? Да знаю я сказку про Нильса и диких гусей, внукам недавно читал. Но при чем здесь это?

Сделав несколько шагов в сторону от Николая, сосредоточенно топтавшегося на месте, Антон Борисович добавил, резко понизив тон: «А в общую камеру его нельзя поместить? Чтобы посадить к нему каких-нибудь мерзавцев? Ах, да! Понял! Ждите! Сейчас буду!»

Он сложил телефон в нагрудный карман ковбойки и, бросив озабоченный взгляд на Николая, медленно открывавшего дверь зала, торопливой походкой направился к выходу из театра.

* * *

- Как и договаривались? – поинтересовался у Антона Борисовича крепкий мужчина, пряча аккуратный сверток в карман ветровки. – А то ребята уже волноваться начали. Ну, с этим кадром у нас такое, что заволнуешься, пожалуй.

Они стояли у гранитной чаши фонтана прямо перед парадным входом в театр. Мужчина достал пачку сигарет и закурил, руки у него заметно подрагивали.

- Ты чего прямо сюда сорвался? – зашипел Антон Борисович, незаметно оглядываясь по сторонам.

- Да никто за нами не топчет, - успокоил его мужчина, делая глубокую затяжку. – От нас сейчас все шарахаются, как от прокаженных.

- Да что это с тобой? – развел руками Антон Борисович.
 - Что со мной? – зло ответил мужчина. - А с Загоруйко нормально получилось? Он просто в шоке от такой подлянки, если честно. Когда ночью в камеру пришли, чтоб он... самоубийством покончил, так он прямо поставил вопрос, кто из нас потом кого кончать будет? Говорит, недостаточно нам, что ему зона светит?
 - Не удалось, значит, - тяжело вздохнул Антон Борисович.
 - Заигрались вы совсем, если честно, - заметил ему мужчина. – Доигрались до необходимости Загоруйко мочить. Такого договора не было, мы отказываемся. Он пока держится, верит нашему обещанию, что мы его из зоны по условно-досрочному вынем. Мы как вначале договаривались? Что ребята Мишки Стрельникова примочат этого деятеля искусств. Мужчина кивнул на толпу пикетчиц возле театра, протестовавших против увольнения Николая. Антон Борисович с ненавистью посмотрел на женщин с самодельными плакатами «Верните Мельпомену в театр!», старательно державших между собой предусмотренные законодательством разрывы пикетирования.
 - Никогда ведь не срывалось раньше, Валерий, - сокрушенно отозвался Антон Борисович. – Все работало, как часы...
 - Это я вам еще про часы не рассказал! – вспомнил что-то Валентин. – То, что ребятам снилось, как-то мимо ушей пропускал. Хотя Сергей Иванович даже колоду старинных карт приносил. Ну, там обычные карты, немного размером больше, чем наши. Картонка чуточку толще и картинки красивые. Сергей Иванович говорил, что валеты ему неприличные жесты показывают, дамы посылают воздушные поцелуи, а короли подмигивают. Но мы такого не заметили, если честно. Но через неделю мне такие же часы приснились...
 - Слушай, ты уже рассказывал ваши чудесные сны, когда вы выигрывали дачи на Каймановых островах, кучу старинных колечек с бриллиантами, иномарки и акции Газпрома, - поморщился Антон Борисович. – К утру все проигрывали, а часы вам говорили, чтобы вы в это дело не лезли.

- Так все и было! – почти радостно ухватил его за коббойку Валентин. – Бросает, значит бронзовой лапой колоду мне на диван и говорит: «Дурак ты, Валя, что в эту историю ввязался! Хрен тебе с нее будет и еще маленько!» А я уже по этой даче ходил, представляете? Там такой балкон прямо над морем нависает, волны в шторм достают! Такая красотища!
 - Валентин, давай о деле, - сказал Антон Борисович, чувствуя, будто все его волосы тянет на затылок чья-то огромная когтистая лапа. – Что там у вас получилось с гусями?
 - Ну, мы потом поняли, что это давно у нас началось, - пояснил Валентин. – Перья-то у него на окне еще в марте находили. Окно на зиму задраено, а клиент с утра веселый какой-то. Нам объясняет, будто подушку о решетку выбивал. И уже когда вся эта ерунда началась, Сергей Иванович нам и говорит: «А ведь подушки-то у нас не перовые! Нам же подушки женская колония

искусственным волокном набивает!»

- Я уже понял, что Сергей Иванович у вас просто философ-мыслитель, - простонал Антон Борисович, явственно ощущая, как от резкой боли в сердце у него выворачивает лопатки. – Ты можешь короче изложить суть дела, ради чего вызвал меня сюда.
 - Да что там излагать, - ответил Валентин, стараясь что-то высмотреть в проезде к Дмитровскому шоссе. – Несколько раз этого балеруна ночью в камере не оказывалось, вместо него на кровати спали два гуся.
 - Какие гуси? – растерялся Антон Борисович.

- Обычные, - машинально ответил Валентин, посмотрев на часы. – Как в песне про бабуся, помните? Были у бабуся два веселых гуся, один белый, другой серый... Ладно, некогда мне! Побежал!

Он неожиданно сорвался, оставив Антона Борисовича в полнейшем недоумении. Решив, что в театр возвращаться уже поздно, он направился к стоянке, где уже весело отозвалась на кнопку сигнализации его машина, приветственно мигнув фарами хозяину. Внезапно уши резануло диким женским визгом и что-то с силой рвануло его вверх. Чуть не споткнувшись, Антон Борисович поднял голову и увидел, как прямо над ним быстро поднимается в воздух огромная черная птица. Ему показалось, будто с плеч у него сняли непосильно тяжкую ношу, высасывавшую все его силы последние годы. Его, наконец, отпустила боль в сердце, которую в последнее время не снимали никакие лекарства. Совершенно новыми глазами, не искаженными короткими вспышками картин, приносивших в его душу неиссякаемую злобу, он оглянулся вокруг, радуясь самой возможности видеть разомлевший в летней благодати мир, полный красивых смеющихся людей. Впервые за долгое время он почувствовал легкий ветерок, донесший до него запах перегретого машинного масла, и почувствовал солнечное тепло на коже, удивляясь тому, что долгое время жил, будто заключенный в какой-то тяжелый кокон. Он услышал чириканье птиц, детский плач и женский крик: «Что он делает? Он же его убьет!» Незнакомая женщина, подхватившая на руки малыша, показывала рукой куда-то за ним, но обернуться Антон Борисович уже не успел, почувствовав сильный удар, от которого сразу же замерло сердце.

Выглядывавший из-за угла Валентин только присвистнул с долей сочувствия, сосредоточенно проследив, как зазевавшийся Антон Борисович, будто специально остановившийся посреди проезда, был сбит КамАЗом, неожиданно выехавшим на полной скорости с Дмитровского шоссе.

* * *

- Вот так все и произошло, - сказала Мария Геннадьевна, скорбно поджав губы. – А потом еще скрипач у нас погиб, ну, ты это читал, наверно. Почему-то пошел через неосвещенную оркестровую яму, а там люк был открыт... Он упал вниз самый, там его и нашли. Никифорова газетчикам объяснила, будто это уборщица виновата, мол, оставила яму открытой. А там такой люк, что одной уборщице не поднять было. Да и зачем поднимать, если пол мыть надо, а не люки понимать!

- Как мыть пол, если люк поднять? – добавила Глашенька. – А на крышке люка специально, чтобы его никто не поднимал, стояли рояль и арфы! Попробуй-ка рояль в одиночку в угол закатить!

- Слушайте, вы мне просто страшные вещи говорите, - передернул плечами Николай. – Как вы здесь все это терпите?

- Да нам-то ничего! – вздохнула Мария Геннадьевна. – Кому мы нужны? Держимся пока! А директор бегает, потерянный весь, не знает, куда себя приткнуть.

- Его хоть и сняли, но пока оставили в театре, пока новый директор с гастролей не вернется, - объяснила Николаю Глашенька, подавая его коробки, за которыми он, наконец, собрался заехать. – Хотя его и назначили советником в министерство, а место там ему до сих пор не приготовили. Ходит сейчас здесь в своем ордене, а все смотрят сквозь него, как на мертвого. Вот ведь как бывает!

- Ты, говорят, так на гастролях в Лондоне блистал! До того был хорош! – сменила печальную тему разговора Мария Геннадьевна.

- А где говорят-то? – удивился Николай.

- В газетах пишут и в Интернете печатают! – с готовностью подхватила Глашенька. – А Мазепов с Никифоровой пишут одной женщине в Интернете, что если Игнатенко согласится на тебя все свалить и подтвердить покушение на Филина, то ему дадут условный срок без права изменения места работы.

- Да где там! Опоздали! – сказала Мария Геннадьевна. – Уже все про них написано и опубликовано! А у нас тут такое иной раз творится, такое! Помнишь, раньше тебе на творческих встречах вопросы задавали, не встречал ли ты в театре призраков или чего-нибудь мистического?

- Но я честно говорил, что рассказов слышал много, а сам такого ничего не видел, – рассмеялся Николай. – Наверно, я очень черствый человек.

- А у нас сейчас это только самые черствые теперь и видят! – всплеснула руками Глашенька. – Давеча нас с Марией Геннадьевной орденоносный директор вызывает, а в кабинете у него Мазепов с Никифоровой сидят. Начинают втроем орать на нас, но шепотом. Из-за гибели скрипача в театре следователи работают, поэтому они громко орать на нас не могут. Мы едва поняли, что теперь они каждую ночь перья гусиные в кабинете директора обнаруживают.

- Которыми пишут? – уточнил Николай. – Как Пушкин? А чернильниц-непроливаек они не находят? Я у бабушки такую видел. Они уж совсем утратили чувство меры, как я посмотрю.

- Да, тебе бы стоило на это посмотреть! – согласилась Мария Геннадьевна. – Но сейчас никого, кроме нас с Глашенькой, к директору в кабинет утром не пускают. Мы там перья гусиные убираем... и другое, что от гусей остается.

- Вы серьезно? – не поверил Николай, посмотрев в упор на старушек. – Вы меня не разыгрываете?

- Мы? Никогда! – с возмущением ответила Глашенька. – Ты же нас знаешь. Просто по ночам у директора в кабинете гуси гогочут. После них перьев много остается и все бумаги его для министерства они намеренно гадят, ничего оставить нельзя. Он тоже коробки домой носит.

- Они там у него и несутся? – растерянно спросил премьер.

- Нет, яиц ни разу не убрали, – возразила Мария Геннадьевна. – Наверно, это гуси-самцы, гусаки то есть. Зато пера набрали Глашеньке на подушку. Перо ведь не всякое идет, жесткие перья мы с утра пораньше в мусорный мешок собираем и потихоньку выносим.

- Но все и так в курсе, – вставила Глашенька. – Ты же знаешь, у нас такие новости первым делом распространяются.

- Струнные считают, что это Никифорова нарочно под гуся косит, чтоб директор скорее кабинет освобождал, – шепотом прибавила Мария Геннадьевна, осторожно оглядываясь. – Но мы и говорим, что быть такого не может! У Никифоровой перья-то черные, а мы с Глашенькой только серые и белые находили!

- Слушая такое, начинаю понимать, что все, что ни делается – к лучшему! – задумчиво заметил Николай. – Если бы меня не уволили, сейчас бы ходил с вами и перья на подушку собирал.

- И не говори! – поддакнула Глашенька. –

Тебя еще обвинили, будто ты рояль откатывал и люк нарочно открывал!

- Сам-то сейчас в Питер, на Ангелинкину премьеру полюбоваться? – сменила тему разговора Мария Геннадьевна. - Ты ей привет от нас передавай! Скажи, что мы ее все любим и скучаем!

- А мы-то как вас любим! – растрогался Николай. – Только о вас и жалею, милые наши нянюшки!

Подхватив коробки, он направился к выходу, успев заметить темную фигуру Никифоровой, метнувшуюся в тень. До поезда он успел завести коробки домой, взял собранные вещи и отправился на вокзал.

В дремоте, накатившей под стук колес, ему приснился сон, будто где-то сидят четыре женщины и ругаются из-за финала романа, в который, сигналив у семафоров, несся скорый поезд.

* * *

- Девочки, мне так грустно, что Николаю пришлось покинуть театр! – всхлипнула Эвтерпа. – У меня просто сердце разрывается от жалости...

- Николай остался жив, его все любят, все ему сочувствуют и презирают тех, кто лишил нас счастья видеть его на сцене! У него все будет хорошо! – ответила Каллиопа.

- Да мне нас жалко! – Его сейчас будут смотреть где-то за рубежом, не в России. А мы и не увидим его теперь.

- Пока не увидим, конечно, - озабоченно проговорила Каллиопа. -А потом увидим... Все течет, все изменяется... Гуси мои, гуси!

- А мне на него так посмотреть хотелось, чтобы просто посидеть рядом, поговорить об искусстве, - продолжала взхлеб рыдать Эвтерпа.

- А вот я не понимаю, неужели нельзя было написать, что это директора уволили, а Николай стал директором театра? – с некоторой долей раздражения поинтересовалась Урания. – И зачем писать, что министр культуры приехал в театр, наградил директора орденом и объявил, что он переводится в министерство важным советником, а типа это станет «закономерным завершением истории с опальным премьером»?

- Мне это тоже не совсем понятно, - заметила Клио, едва сдерживаясь. – Это что, такой фарс в духе времени? Или такая концовка с увольнениями как-то получилась «сама собой» на фоне вашего собственного увольнения? Теперь всех подряд увольнять будут, да?

- И Талия в другой театр перешла, в Питер уехала, - разочарованно сказала Урания. – А наша Каллиопа поет песню про гусей... Удивительно, как министра культуры с его новым советником еще КамАЗ не сбил.

- А вот это вопрос не ко мне! – заявила Каллиопа. – Я наоборот отвечаю за, чтобы они без проблем от театра до министерства дорогу перебежали.

- Правильно, у них проблем с этим не будет! – взвилась Урания. – А нам теперь постановкой «Князя Игоря» или новым балетом «Онегин» любоваться? С тобой совершенно невозможно стало разговаривать! И зачем ты в свой статус в Фейсбукепесню про гусей поставила? Что это за «счастливый конец»?

- Можно подумать, будто это я решила «Князя Игоря» на полчаса отчекрыжить и перенести на русскую сцену идиотский лубок ненормального американского балетмейстера Кранко! – заорала Каллиопа. – Я виновата, что как только думаю, как бы все устроить, так у меня эти гуси перед глазами? И, несмотря на сложные условия, я свою задачу выполнила! У меня на данном этапе была задача-минимум – эвакуировать невредимыми Мельпомену и Талию из гнездилища гарпий. Полигимния оттуда ушла сразу, она все поняла.

- Странно, что сама ушла, а не на гусе уехала, как же мы обошлись без погони гарпий за гусями! - съязвила Клио. – Лучше бы она, конечно, уехала из театра на КамАЗе...

- Еще раз повторяю всем, кому что-то не ясно! – не на шутку разозлилась Каллиопа. - Это не я выкатываю КамАЗ! Во-первых, у меня – алиби, а во-вторых, у меня совершенно другие творческие принципы! Единственное, что я могу сделать в этой ситуации, это показать вещи не

такими, какими они кажутся, а такими, какими они являются на самом деле! Как муза эпической поэзии, мать вашу!

- Я только не понимаю, зачем было орден такому директору давать! – упрямо ответила Урания.
– После увольнения Николая зарубежный корреспондент «Нью-Йорк таймс» написал: *«Друзья и коллеги встречали Никифорову как героиню, дразня её «счастливой» жизнью, которую она должно быть ведёт после увольнения Николая из театра. Кто-то предложил снять фильм о драме, разыгравшейся на наших глазах. Никифорова засмеялась и согласилась с тем, что в последних событиях вокруг театра есть всё, о чем мечтают голливудские сценаристы. «Давайте это сделаем, давайте хоть немного на этом заработаем», - сказала взволнованно Никифорова, обращаясь ко мне».* Как это прикажете понимать? «Гуси мои, гуси!»?

- Да, мне тоже непонятен ее оптимизм, хотя его поубавилось, как только директор получил свой орден и был уволен из театра в течение двенадцати часов, после того, как Каллиопа написала про его увольнение, - сказала Клио. – Но чтобы гарпии истории про театр сочиняли... это уже слишком!

- Директора уволили, - чтобы закрыть тему с неудавшимся покушением на жизнь Николая, - рявкнула Каллиопа.
– История не закончена! И не забывайте, что я – писатель-реалист! И не пишу всяких фэнтези! Между прочим, ни разу не писала про хоббитов, зацените. Хотя про эльфов и троллей писала, было такое дело. Поэтому я не могу написать, будто

наш министр культуры, душу которого гарпии сожрали еще в феврале, мог проявить душевную широту и щедрость, понимаете? Когда гарпия снимает душу, оставшийся гомункул уже не может проявить какое-то благородство и элементарную самостоятельность.

- Ой, девочки, не ругайтесь! – примиряюще зашмыгала носом Эвтерпа. - А мне в личку опять Мазепов написал!

- Кто? – хором воскликнули Клио и Урания.

- Мазепов! – радостно ответила Эвтерпа. – Он, конечно, другим именем подписывается, но я же раньше его интервью читала. И потом он проговорился, что у него большие материальные проблемы... на семьсот пятьдесят тысяч рублей. Сказал, что это из-за «мадам Огурцовой».

- А зачем он тебе пишет? – с недоумением спросила Клио.

- Он очень интересуется романом, который она пишет, - бесхитростно призналась Эвтерпа. – И он сказал, что я ему очень нравлюсь. Сказал, что мои статьи так интересно читать! Ты же сама говорила, что надо пиарить наши ресурсы...

- Да ведь не Мазепову! – закричала на нее Клио.

- Что хочешь от музы лирической поэзии, - спросила ее Урания. – Он написал ей пару стихов, и вот уже готовая пятая колонна в наших рядах! Так что он там тебе написал про то, как ты ему нравишься?

Я интересуюсь романом, потому что мне в этом сюжете видится наш замечательный балет. Либретто уже процентов на 50 процентов вырисовывается. В законченном виде вижу две картины... Второе действие начинается так: Цветной бульвар, солнечный летний день. По площади порхают юные невинные девицы по найму, раздающие прохожим листовки с агитацией в пользу оппозиционного мэра столицы. Музыка - вроде "прогулочной темы" из "Американца в Париже" Гершвина.

И последняя картина, та, что я уже описывал: Николай прыгает (как сказал бы обыватель, ничего не смыслящий в балете) между креслами мэра Москвы и директора нашего театра. Собственно, ради этих прыжков весь балет и писался. Николай должен станцевать, думаю, сам. Что, кстати, позволит сэкономить на гриме. Звучит лезгинка. За его танцем, припав на одно колено и хлопая в ладоши в такт музыке, наблюдает радостный президент.

Осталось понять, как связаны второстепенные, в общем-то, персонажи... Тем не менее, судорожные попытки Николая вернуться в театр составят интереснейшую драматическую коллизию. Мадам Огурцова будет появляться очень эпизодически, в образе могущественной Фаты Морганы, но незримо присутствовать всегда, как она и присутствует, совершенно незримо, в нашей реальной жизни. Как все уже поняли в нашем театре, жизнь прожить нужно так, чтобы чем-нибудь ненароком не разозлить эту мстительную даму.

- Это что такое? – с недоумением спросила Клио.

- А это то, о чем нам прочла Урания, - пояснила Каллиопа. – Зачем Окипете говорить о

блокбастере? У нее есть деньги, но никому не интересна их история, они хотят подсунуть в роман свой конец, чтобы навсегда остановить время. Они уже не могут ворваться ко мне в дом, изъять компьютеры и попытаться закончить по-своему. И потом ведь это уже не сказочки, а роман!

- Значит, он пытается через Эвтерпу попытаться подсунуть свой финал? – догадалась Клио. – Умно! Ловко действует мерзавец.

- Только кому надо писать подобную ерунду? – удивилась Каллиопа. – К примеру, мне наоборот пишет сама Окипета. Вначале она прямо просила продать роман без финала... Потом стала давать такие сведения... как бы. Там не все ложь, там есть и правда, которую знает только она. Вернее, там все правда, но она выглядит... как загадка сфинкса! Клио, расскажи историю сфинкса!

- У гарпий была крылатая сестра, только ее тело было львиным, - ответила Клио. - Такая странная химера. Она уничтожала всех, кто не мог отгадать ее загадку. И здесь, между прочим, урок истории в том, что химера вывела ответ на эту загадку у муз, подослав к музе лирической поэзии некоего восторженного почитателя ее таланта.

- Но я же ничего ему такого не сказала! – испугалась Эвтерпа. – А какая была отгадка?

- А такая, какую содержит каждый счастливый конец! – ответила Клио. - Загадка Сфинкса звучит так:

«Скажи мне, кто ходит утром на четырех ногах, днём -

на двух, а вечером - на трёх? Никто из всех существ, живущих на земле, не изменяется так, как он. Когда ходит он на четырёх ногах, тогда меньше у него сил и медленнее движется он, чем в другое время?» Ответ таков: это человек. В младенческом возрасте он ползает, в расцвете сил он ходит на двух ногах, а в старости — опирается на трость.

- Да, - подтвердила Каллиопа. — Ответ на все загадки будет одним: «Человек!»

- А что она тебе написала? — поинтересовалась Урания.

- Она следит за всем, что я пишу, - пояснила Каллиопа. — И хотя в романе приветствуется интрига, а приходится выходить и немного подправлять... реальность, чтобы она не слишком шла вразрез с повествованием.

- Я так и думала! — торжествующе заявила Урания. — «Я — писатель-реалист!» Кто бы говорил! Я же вижу, что ты иногда торопишься, забегаешь вперед, пишет пост или статью, подправляешь реальность, а потом вставляешь это в роман!

- «Писатель-реалист — это тот, который напишет, а потом так все и случается в реальности!» - фыркнула Клио.

- Ну, да, так все и происходит, - не поняла ее скрытого сарказма Эвтерпа. — Роман ведь долго писать, а так можно всю цепочку событий из рук выпустить. Нынче время другое! Ездят не на лошадях, а письма идут пару секунд, да и мы собираем круг в скайпе.

- Ага, пост, этот как силы быстрого реагирования! — заметила Урания.

- Прочтите вначале мой последний пост! — попросила Каллиопа.

На днях следствие попыталось предъявить Игнатенко обвинительное заключение. Однако вместо его прежнего адвоката Лисицыной уже присутствовал уже другой адвокат. На правах нового защитника он заявил ходатайство об отсрочке допроса, который обычно следует за процедурой предъявления обвинения, указав причиной - необходимость ознакомиться с материалами расследования.

По мнению обвинения, отказ Игнатенко от адвоката Лисицыной - не что иное, как тактический ход защиты, призванный затянуть расследование. Кроме того, защита ищет и другие способы оттянуть передачу дела в суд. В частности, она намерена обжаловать экспертизу, согласно которой нанесенные Мылину травмы являются тяжкими. От этого заключения зависит очень многое. Если травмы всё же не признают тяжкими, то обвиняемые могут отделаться условными сроками.

Замечу, что человек, находясь в заключении, так просто не высказывает желания поменять защитника. Тем более, в деле, где со всех участников взяли подписку о неразглашении. Игнатенко отказался от услуг адвоката Лисицыной, всегда ранее выходившей на прикрытие явно инсценированных дел, призванных возмутить общественное мнение, переключить внимание общества какими-то шокирующими подробностями, вызвать социальное напряжение.

По одним данным, Лисицына обратилась сама к родителям Игнатенко, предложив свои услуги безвозмездно, объяснив, что ей надо типа реабилитировать себя в глазах общества за историю с девицами, станцевавшими в храме свой «панк-молебен».

Напомню, там речь уже заходила о том, что она намеренно теряла ключи и документы, переданные ей подзащитными.

Согласитесь, это весьма удобно: захватить человека, в течение 48 часов удерживать его под стражей, 18 часов непрерывно допрашивать, затем выставить на общее обозрение с синяками, истерзанного - для признания в преступлении, которого мы, простите, пока не видели. Инсценировку видели, а самого преступления так пока не увидели.

А после весьма удобно вдруг взять подписку о неразглашении, приставив к человеку, находящемуся в заключении - такого удобного во всех отношениях адвоката.

Простите, а что там можно "разглашать", после того, как у обвиняемого уничтожен сам принцип невиновности, после того, как его уже до суда осудили на всех телеканалах и подвергли гражданской казни, объявив "злодеем" на Первом канале? И что он может под

подпиской о невыезде рассказать нам новенького о "следственных мероприятиях"? Что такого, о чем бы сами сразу же не догадались по его виду и синякам?

При этом весьма удобно эвакуировать главное свидетельство "тяжких телесных" в Германию, предоставляя следствию различные справки. У нас сейчас судебную экспертизу только в качестве половой тряпки не используют. Людей судят по тому, что там могло "показаться" каким-то экспертам, запросто дающих заключение, что все уголовные преступления происходят потому, что граждане имеют наглость их обсуждать. Законы принимаются и с обратной силой, а когда надо, так человека и после приговора по настоянию нашей самой доброй в мире прокуратуры освобождают из-под стражи.

Здесь идет еще один интересный момент! Передача "Человек и Закон", с первых дней участвовавшая в отвратительной кампании по раскрутке этого "самого громкого преступления года", заявила, что многие артисты балета выходят из профсоюза, поскольку профсоюзная касса передана... на оплату услуг адвоката Игнатенко. А я напомним, что весь сыр-бор получился, когда он пытался передать коллективную петицию артистов Мылину, упорно не желавшему уходить с поста председателя профсоюза, назначившись на это место единолично. Сами знаете для чего. Игнатенко возглавлял дачный кооператив театра, все собираемые средства шли через эту кассу. Вот что теперь стало с кассой, когда скоренько уволили руководителя труппы и помогли ему ретироваться в Америку - непонятно. Но хотелось бы знать, поскольку ложь, будто все произошло из-за того, что Игнатенко подогрела Ангелина Воронова, а типа вдобавок этого агнца "шантажировал" премьер Николай - уже не катит!

Можно объяснить, куда делась профсоюзная касса, о которой всем артистам театра запретили упоминать? Вопрос очень простой: куда пошла профсоюзная касса, если адвокат Игнатенко утверждает, будто денег вообще не брала?

... Лисицына могла бы "реабилитироваться" и не за счет Игнатенко. Она могла бы рассказать, как и кто оплачивал ее услуги за участие в деле девушек, исполнявших в храме «панк-молебен». Для чего ей нужны были документы девушек, которые она, якобы потеряла? Почему она сделала все, чтобы "поднять волну", намеренно помогая обвинению (в точности так, как с Игнатенко!) удерживать своих подзащитных под стражей до суда?

Радует лишь то, что подобные инсценировки, во-первых, не остаются безнаказанными. Ведь девушек раньше отчего-то никто не преследовал и за более гнусные хулиганские поступки в общественном месте. Интересно, что после них - даже психолого-психиатрической экспертизы не провели. А ведь если это не было хорошо оплаченной акцией, то... обвиняемые явно не в себе! Выходит, осудили-то ненормальных! Ведь все их поступки - за гранью общественной нормы.

Во-вторых, перерезаются финансовые потоки, за счет которых оплачиваются подобные инсценировки. В-третьих, судя по необъяснимому желанию госпожи Лисицыной "реабилитироваться", новых желающих принять участие в этих масштабных игрищах с законом - не находится.

Там еще есть несколько важных пунктов, но под конец идет наиболее существенный - наступило немного иное время, когда концы подобных инсценировок не удастся спрятать никому.

Все и сейчас понимают, что одна нормальная экспертиза всех "жестоких увечий", полученных Мылиным - моментально может изменить расклад "обвинение-защита". Вот, что заявил адвокат другого обвиняемого по фамилии Загоруйко: « Следствие просто устранило те недочеты, которые были обжалованы ранее. Например, переделало документы, оформленные с нарушением. У защиты были подозрения, что многие бумаги, присланные из немецкой клиники, где лечится Мылин, являются поддельными. Главное же нарушение так и не было устранено: экспертизу состояния потерпевшего нельзя

проводить в его отсутствие, но мы вновь получили медицинское исследование, сделанное на основании одних лишь бумаг.»

- Но сразу после твоего поста газеты сообщили, что Игнатенко не удалось отказаться от адвоката Лисицыной, - сказала Эвтерпа. – У него сейчас два адвоката!

- Совершенно верно, - согласилась Каллиопа. – Ему это сделать не удалось! Хотя он все же сделал попытку избавиться от своего бескорыстного адвоката Лисицыной! После того, как я написала, насколько от этой гражданки веет моральной нечистоплотностью. Сразу скажу, что насколько не рассчитывала, будто ему удастся от нее избавиться. Но ее цепкая хватка показывает гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. А кроме того, попытка Игнатенко оказать ей сопротивление - и заставила Окипету написать мне очередное письмо.

Вы уже опоздали со своей чушью. Лисицына осталась, и ещё одного адвоката вашему Игнатенко взяли. Лисицыну так просто от халавы не отгонишь. Водителю и Загоруйко тоже купили богатеньких адвокатов. И тому, кто их услуги оплачивал, надо было побольше шуму поднять про "воровство" в театре и при реконструкции. А вот кто это?? Тот и организовал с Игнатенко нападение на Мылина. А теперь пытается его выкупить...Пока не удалось.

Уволенный перед Николаем руководитель труппы тоже в накладе не остался. Мылин в Германии, Игнатенко в тюрьме, так как тут удержаться, если все равно уволят? Его бывшая жена Мылина, которая сейчас Мылина в театре замещает, призывала руководитель труппы за кассу профсоюза отчитаться. Уж не знаю, отчитался ли? Но Саше и Лисицыной, видно, перечислили. Многие, кстати, вышли после этого из Профсоюза! Поняли, наконец, что их развели! И Игнатенко рвался в профсоюзные боссы только для этого!

Уж не знаю, станет ли Саша теперь молчать, когда реально грозит до двенадцати лет? Может, наконец, сдаст своего кукловода, натравливавшего его на администрацию театра? Не догадываешься, корова, кого должен сдать Игнатенко в обмен на условный срок? И продолжение карьеры! Теперь-то ему терять нечего!

Хватит в это лезть, всякую чушь писать, если не понимаете и не знаете. Психушка просто по Вас плачет!

- Что это такое? Это что, Игнатенко блефует, что ли? – спросила Урания. – Он сделал это, чтобы прорваться к профсоюзной кассе? Он участвует в инсценировке? Потому и признался?

- Так, успокоились! – прикрикнула на нее Каллиопа. – Ответ всегда один – «Человек!»!

- Да, человек, - упавшим голосом откликнулась Эвтерпа. – Слабый и глупый...

- Это не те качества, которые делают человека – человеком, - возразила Каллиопа. – На все вопросы Урании Игнатенко уже передал открытое письмо через Ангелину Воронцову, он отказался признавать себя виновным, а Николай прямо заявляет, что никакого нападения на Мылина не было.

- А стоит только сказать «Человек!», так сразу все встает на свои места, - заметила Клио. – Лисицына удержалась с трудом, благодаря необычайной любви к дармовым деньгам.

- И чтобы попытаться оказать давление на Игнатенко, - подчеркнула Каллиопа. – Они будут его покупать условным сроком и возможностью продолжить карьеру, чтобы он оговорил Николая, уже уволенного. Дескать, терять нечего.

- Ответ всегда – «Человек!», - прошептала Урания.

- Конечно! – улыбнулась Каллиопа. – И если Александр останется человеком, все с ним и будет по-человечески, как и с Николаем! Я вот так бы и закончила этот роман! Как говорится, гуси мои гуси!

- И я бы тоже так закончила, но без гусей, - растроганно произнесла Эвтерпа.

- Пойдите, как уже конец? В любимом ключе – «А потом все померли»? – разочарованно сказала Клио. – Моральку произнесли, и сразу конец? Слушайте, давайте этих гусей чем-то перебивать! Мне кажется, тут с гусями дело нечисто. Помните, как в «Евгении Онегине»?

*...И даль свободного романа
Я сквозь магический кристалл
Еще не ясно различал.*

- Но, по-моему, мы уже все вполне ясно различили, - ответила Урания. – Действительно, давайте попробуем без гусей! А какой у Александра Сергеевича замечательный финал получился!

*Блажен, кто праздник Жизни рано
Оставил, не допив до дна
Бокала полного вина,
Кто не дочел Ее романа
И вдруг умел расстаться с ним,
Как я с Онегиным моим.*

- Интересно, что он сжег десятую главу и закончил именно в том месте, где неясно, как герои распорядятся жизнью дальше, - сказала Клио. – Поэтому некоторые исследователи считают, будто дальше у Татьяны и Онегина должен быть любовный роман. Потом Онегин становится декабристом, его высылают в Сибирь, а Татьяна едет за ним. Желание закончить роман в стихах за Пушкина было настолько велико, что по рукам ходили фальшивые заключительные главы романа.

- Какая пошлость, - возмутилась Эвтерпа. – Конечно, приписать к чужому роману концовку всем хочется. Но разве нам непонятно, что Татьяна уже не вернется к Онегину? Время его ушло, а уж как он его использовал – это его дело.

- Роман и заканчивается тем, что предоставляет полную свободу героям в другом времени, когда закончилась их совместная история, - согласилась с ней Клио. – Дальше их жизни потекут, никак не соприкасаясь. Мне больше нравятся стихи Пушкина, которые он написал гекзаметром, призывая финал романа «Евгений Онегин».

*Миг вождеденный настал: окончен мой труд многолетний.
Что ж непонятная грусть тайно тревожит меня?
Или, свой подвиг свершив, я стою, как поденичик ненужный,
Плату принявший свою, чуждый работе другой?
Иль жаль мне труда, молчаливого спутника ночи,
Друга Авроры златой, друга пенатов святых?*

- Мы тоже должны закончить, как полагается! Как хотите, а я начинаю! – заявила Урания и продекламировала:

*Вечное Время зову и Стикса священную воду,
Кличу Начало романа, а с ним и Предел справедливый!
Все вы явитесь теперь благосклонно, с отрадой на сердце
К жертвенным действиям священным, к сему возлиянью честному.*

- Замечательно, Урания! – откликнулась Каллиопа. – Значит, где-то уже здесь отираются наши часики, а протянутую руку можно окунуть в вечные воды Стикса. Мы почти дошли до финала, мы призвали время и справедливый предел. Но сейчас, я чувствую какую-то полную ненужность... *«Свой подвиг свершив, я стою, как поденщик ненужный»!*

- Нет-нет! – поправила ее Урания. – Опустошение после яркого финала, конечно, наступить может, но ты же не одна! Давай, пусть финал нас всех приблизит *«К жертвенным действиям священным, к сему возлиянью честному»!*

- Да, ты мысленно стремишься к честному возлиянию, чтобы всем нам было хорошо и замечательно, - нараспев произнесла Эвтерпа, как бы пытаясь гипнотизировать выбитую из колеи Каллиопу. – Мы возлияемся... нет, возлияем... ну, ты сама понимаешь...

- Честное возлияние мне тоже нравится гораздо больше, чем «поденщик ненужный», - поддакнула ей Клио.

- Не говоря уж про этих гусей, - с раздражением заметила Урания. – А то надо как-то собраться перед финалом, а от нашей Каллиопы только и слышим в последнее время: *«Гуси-гуси, га-га-га! Есть хотите?...»*

- Сама лучше заткнись! – закричала ей Эвтерпа, но поняла, что опоздала, потому что Каллиопа со стоном закончила детский стишок Урании: «Да-да-да!»

- Вот зачем ты это сказала? – в отчаянии выдохнула Каллиопа.

* * *

Засыпая, Николай долго улыбался, вспоминая триумф Гели, счастливую улыбку, которую он уже начал забывать, видя в последнее время перед собой грустное озабоченное личико. Сквозь сон ему показалось, будто в ноги к нему слетели две птицы с длинными шеями и принялись с шипением тянуть с него одеяло.

- Это какой-нибудь совершенно чудовищный бред от нервного напряжения последнего времени, - сказал он самому себе, натягивая одеяло на голову с удовольствием проваливаясь в сон, как в огромную перовую подушку, настолько мягкую, что он безвольно выпустил из ослабевших рук край одеяла, зябко поеживаясь от свежего ночного ветра.

Без одеяла ему сразу же приснилось, будто он летит куда-то на огромном, невероятно уютном гусе, которого так приятно обнимать руками, глядя нежные шелковые перышки, словно это был не гусь, а действительно - большая перовая подушка, заботливо набитая Глашенькой и Марией Геннадьевной.

Странно, что раньше ему ничего подобного не снилось, а теперь вот приснилось после жутких рассказов милых нянюшек о том, что творится в театре. Впрочем, что-то такое он читал в детстве про путешествие Нильса с дикими гусями. Чтобы отвлечься от горьких мыслей о театре, Николай заставил себя вспомнить, как Нильс победил полчища крыс, тут же увидев далеко под собой множество серых крысиных спинок, спешивших за гусиной тенью, скользившей по земле. Потом ему пришло в голову, что гуси залетали в средневековый город, и он тут же увидел внизу аккуратные черепичные крыши и башенки ратуши. Перевернувшись на спину, он долго следил за мягкими пушистыми облаками, ровными пушистыми комочками висевшими над ним в небе.

Он лениво подумал, что гусь ему попался на редкость удачный, просто ортопедический матрац, а не гусь. Растрогавшись, он подумал, какие славные бывают гуси с яблоками, черносливом и

гречким орехом. Удивительно, но облака над ним тут же стали походить на блюда, где лежал большой жареный гусь с аппетитной корочкой, розовевшей в лучах заката. Николай понял, как он так проголодался, вспомнив, что из-за премьеры Ангелины даже не поужинал. Он и сам удивился, что и сама Геля, сфотографировавшись со всеми, ни на минуту не задержалась, сказав, будто все, что она сейчас хочет, это упасть и заснуть. При этом она улыбалась вовсе не как измотанный физически человек, а со знакомыми счастливыми чертиками в глазах. Он еще подумал, что надо бы поговорить с девушкой и как-то способствовать ее творческому становлению... и все такое.

От педагогических размышлений его отвлекло какое-то подсасывание под ложечкой, будто его летающая перовая подушка попала в нисходящий воздушный поток. Гусь действительно начал плавно снижаться, удивительно мягко планируя над чудесным цветущим лугом, освещенным множеством фонариков, висевших прямо в воздухе. Николай сосредоточенно прикинул, сколько средств могло пойти на оформление этой шикарной мизансцены с ультрамариновой подсветкой неба, пышными облаками, застилавшими горизонт, но главное, с необычайно длинным столом, к которому какие-то скудно одетые люди подносили... еду! Он спрыгнул с гуся и поспешил к столу, стараясь внешне не проявить излишней заинтересованности в том, бутафорская еда разложена на столах или нет.

Еда оказалась вполне приемлемой, но несколько странной. С крайнего блюда он взял несколько говяжьих рулетов с овощной начинкой и удивился их необыкновенному вкусу, высматривая, где бы присесть за стол.

- Музы должны сесть у первого стола, - укоризненно сказал ему коренастый кудрявый паренек небольшого роста, потянув за брючину полосатой пижамы к ярко освещенному столу, где уже сидели четыре дамы в белоснежных хитонах. — И переодеться вам не мешало бы...

- Добрый вечер, - решил проявить вежливость Николай. — А вы не подскажете, что я сейчас ем? А то в прошлый раз так угостился, что пришлось неделю голодать.

- Сегодня греческая кухня, без излишеств, - успокоил его паренек. — Это запеченная на углях говядина, фаршированная сладким перцем, толчеными корнями имбиря и петрушки. Очищает кровь, повышает тонус, способствует здоровым размышлениям и прогоняет хандру. Но вам бы надо поближе к основному блюду, что на краю-то сидеть? Отсюда ничего не увидите!

- Да я уже на сегодня вполне достаточно получил эстетических наслаждений, могу и на краю, - сказал Николай и потянул свою брючину из руг полууголого паренька. — Отпустите штаны, я вас умоляю!

Но парень резким движением все-таки сдернул с него штаны, с головы до пят упало мягкое льняное полотно, пахнувшее свежестью.

- А это на голову наденьте, - раздраженно сказал парень, подавая ему снизу жесткий лавровый венок.

Николай безропотно надел его на голову, чтобы этот голый мужичок не вздумал сам прыгать на него и с силой пристраивать свой венок так, как только что сдернул с него пижаму, с неодобрением рассматривая ее, стараясь понять, что это за ткань. Как только он увенчал себя лавром, вокруг него распространился бодрящий аромат, вызвавший дополнительный прилив интереса к греческой кухне.

- Не подскажите, какое сегодня тут главное блюдо? – поинтересовался он, как бы между прочим, втягивая ароматы, доносившиеся от костра, где сутились такие же полуголые крепкие люди.

- Сегодня у нас дикий вепрь, зажаренный на вертеле с грибами, чесноком и молодыми каштанами! – гордо ответил парень, вешая его штаны на бронзовую шею.

- Впечатляет, - признался Николай. - Вы сами-то, простите, кто будете? Хоббит?

- Да уже задолбали с этими хоббитами! – возмутился паренек. - Третью музу встречаю, все меня приветствуют как какого-то хоббита! Я - сатир, понятно? Что это за музы нынче пошли, если сатиров не знают?

- А я думал, что сейчас гуся с яблоками приготовят, - решил перевести разговор в гастрономическое русло Николай.

- Вы еще кому такое не скажите, - зашикал на него сатир. – Это не гуси были, а гуси-лебеди! В соответствии с местным колоритом. Лебедь – не только священная птица Афродиты, но и вашего директора - Аполлона, бога поэзии, прорицания и музыки. Но сатиры, горгоны, музы и прочие твари, о которых упоминать сегодня не следует, - хтонические существа. Вам известно, что это такое?

- Приблизительно, - уклончиво ответил Николай.

- Я так и понял, - проворчал сатир. –Знаете, люди вообще любят создавать дирекции и приносить обильные жертвы разным директорам. А потом так радуются, когда им удастся орден вручить и спровадить в министерство! Меня эта особенность умиляет до крайности. Так вот лебедь всегда был священной птицей муз Эрато и Клио. Задолго до того, как им дирекцию в виде Аполлона навязали.

- Вот оно что! Поэтому сегодня такой экстравагантный способ доставки, да? – спросил Николай. – Что-то такое читал про путешествия Аполлона на колеснице, запряженной белоснежными лебедями. Поздней осенью он улетает далеко на север, в блаженную страну Гиперборею, чтобы весной вернуться назад в Дельфы

- На колеснице он начал летать, когда стал над музами директором, - уточнил сатир. – Раньше просто летал на гусе и не жаловался. Млечный путь в древности назывался Гусиной Дорогой. Чтобы избежать ваших вопросов, сразу скажу, что во время весеннего перелета расположение Млечного Пути совпадает с направлением птичьих стай. А вот там – созвездие Лебедя.

- Как все запутано! – сказал Николай, глядя на низкие яркие звезды, висевшие над ними.

- Так и получается, что на Гусиной Дороге летит Лебедь, - сказал сатир, подавая Николаю упавший с головы лавровый венок. – За год Лебедь проделывает круг над землей, зимние месяцы он проводит над Элладой, а летом здесь виден почти в зените. Он появляется здесь из-за горизонта весной, и как-бы летит дальше на юг. Сегодня наступает летнее солнцестояние, Лебедь поворачивает к западу, а затем на север... Глубокой осенью он опять до весны исчезнет за горизонтом...

- Как поэтично! – рассеяно заметил Николай.

- Да, кстати, о поэзии, - озабоченно произнес сатир, остановившись на минутку. – Вы, конечно, не в курсе, что раз сегодня День Лебедя, это означает, что сегодня все должно быть связано с поэзией.

- Я знаю стихи, не волнуйтесь! – успокоил его Николай. – После порции дикого вепря, я смогу читать их хоть до утра! Но пока тут у вас все не попробую, даже не просите! Вот хоть вспомнить, что по этому поводу сказал Александр Сергеевич...

*Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.*

- Не совсем подходит к случаю, - с большим сомнением ответил сатир. – Сегодня приветствуются стихи про лебедей. Вы хоть в курсе, что Вергилия называли «мантуанским лебедем»? И многие поэты удостаивались такого имени. Ведь и у вас пик карьеры – это «Лебединое озеро». Пришли! Садитесь здесь!

- А разве мне не надо подойти к тем дамам? Чтобы как-то обозначиться? – покорно спросил его Николай.

- Расслабьтесь! – махнул на него штанами сатир. – У нас тут важная мистерия – проводы Лебеда. В качестве символа чистоты инициированных и всего такого прочего. Никто ни к кому в душу не лезет, никого ни к чему не принуждает. Дамы решили выступить на вашей стороне исключительно ради собственного удовольствия. А вы так настрадались, что за такое по морде бить надо, а не пытаться обозначиться. Давайте, я вам подушку подоткну. Удобно? Еще подушек принести?

- Спасибо, удобно! – недовольно сказал Николай, потому что сатир, взбивая подушку, нечаянно попал ему кулаком в бок. – Вы мне тех рулетиков еще принесите и дикого вепря, если можно.

- Сейчас! – с готовностью сказал сатир. – И виночерпия к вам пришлю! Если подушки понадобятся, вы у Эвтерпы выдерните, не стесняйтесь! Она семь подушек под себя загробастала!

Сатир ушел, и Николай мысленно согласился, с его выбором места. Хотя пара дополнительных подушек несколько не помешалабы. Но сам вид окруженного дубравой лесного озера, в котором отражались звезды, поразил его величием и покоем, которого так не хватало в жизни, особенно, в последнее время. На потемневшую водную гладь прямо с ночного неба опускались снежно-белые грациозные птицы. Коснувшись воды, они превращались в тоненьких прекрасных девушек, среди которых Николай узнал и Гелю. Она танцевала так, что у него захватило дыхание, и выступили непрошенные слезы.

Сидевшие напротив него четыре женщины в белых хитонах так же заворуженно глядели на озеро. Ветер донес до Николая слова высокой светловолосой дамы со строгим лицом: «А в целом неплохо получилось с гусями-лебедями, не переживай!» Она протянула руку и похлопала по плечу женщину, сидевшую слева от нее через пустовавшее кресло с резными подлокотниками.

Самой молодой из них была невысокая полноватая особа, которая, только взглянув на необыкновенно красивых девушек-лебедей, обратилась к подругам, сосредоточенно смотревшим на озеро: «А можно в финале написать, что в процессе уменьшения и последующего увеличения мы резко похудели на пятнадцать, тире двадцать килограмм?» И дамы привычно по-гусиному шикнули на нее: «Заткнись!»

Николай догадался, что это и есть Эвтерпа, потому что к ней подошел сатир с его штанами на шее и попытался отнять пару вышитых бархатных подушек. Дама ловко отбивалась от него, пригрозив, что сейчас устроит ему «лебединую песню».

Тут две прекрасных нимфы начали с радостным приветствием сервировать возле него стол, в руке у него оказался большой кубок, который тут же наполнил сатир-виночерпий, и он потерял интерес к бою подушками, развернувшегося между музами и сатирами, бежавшими на помощь к своему товарищу, явно терпевшему поражение.

Самая худенькая муза, вцепившись в кудри несчастного сатира со штанами на шее, заорала, что он не имеет право портить им культурное мероприятие своим жлобством.

- Так она ведь семь подушек взяла! – чуть не плача, сказал сатир, растирая густую шевелюру. – Это же неправильно, когда у одних – семь подушек, а у других – только одна. Надо же на всех поровну поделить.

- Вот иди и штаны эти на всех подели! – ответила ему Клио. – Мы в кои веки на балет вырвались, а он тут к нам лезет подушки выдергивать! Можно как-то не сбивать пафос текущего момента?

Николай пожал плечами, отвернувшись от них к озеру. Глядя танец белых, будто светившихся под луной девушек, он боковым зрением заметил, как Эвтерпа стала на подушки ногами и громогласно сообщила, что больше не может сдерживаться. Протянув руки к скользившим по воде девушкам, она нараспев стала декламировать стихи Константина Бальмонта, которые Николай когда-то читал.

*Белый лебедь, лебедь чистый,
Сны твои всегда безмолвны,
Безмятежно-серебристый,
Ты скользишь, рождая волны.
Под тобою - глубь немая,
Без приветов, без ответов,
Но скользишь ты, утопая
В бездне воздуха и света.
Над тобой - Эфир бездонный
С яркой Утренней Звездой.
Ты скользишь, преображенный
Отраженной красотой.
Символ нежности бесстрастной,
Недосказанной, несмелой,
Призрак женственно-прекрасный
Лебедь чистый, лебедь белый!*

Душа погружалась в долгожданный покой, а благоухающая природа послушно откликалась поэзии. На последних строчках возле озера появился чем-то смутно знакомый ему принц, с восторгом протянувший руки к Геле. Рассмотреть принца он не успел, в этот момент его кто-то опять ткнул в бок, и до боли знакомый голос произнес прямо над ухом: «Хорошо сидим!» Он обернулся, с удивлением увидев рядом с собой могучего старца в алой тоге, закрепленной на правом плече круглой бронзовой бляхой.

- Добрый вечер! А там – Игнатенко? – тихо спросил он Хроноса.

- Он самый! – подтвердил тот.

- А я думаю, что так Геля успокоилась, не плачет... Спасибо, даже не надеялся! – окончательно растрогавшись, поблагодарил его Николай.

- Думаешь, мне делать нечего, да? У меня забот – полон рот, - ответил Хронос, набивая рот куском вепря. - Ты понятия не имеешь, сколько сдерживалось время! С конца XIX века заставляют навестывать! Мне лишние неприятности совершенно ни к чему! Это Каллиопа так написала, будто каждую ночь к заповедному Лебединому озеру прилетают девушки-лебеди, где их на камушке уже поджидает принц, которого под микитки доставляют сюда два гуся – один белый, другой серый. И видется они могут только ночью!

- Красиво написано, романтично даже, - похвалил Николай.

- Там еще много чего написано, до утра не разгребешь. Длинный список... но понемногу управимся! – кивнул Хронос, пододвигая к себе большое блюдо с нарезанными овощами, сыром, щедро поливая его оливковым маслом. – Но с этого дня день уменьшается на гусиный шаг, а потом созвездие Лебедя до весны покинет эти широты. И уж там не разгуляешься с гусями-лебедями... Значит, понравилось тебе у нас?

- Большое спасибо, все хорошо! – сдержанно поблагодарил Николай.

- И как это понимать? – повернулся к нему Хронос, подцепляя пару рулетов с его тарелки двузубой вилкой.

- Ну, вы ведь для этого спрашиваете, чтобы я за все вам сказал большое человеческое спасибо? – ответил ему Николай, снисходительно фыркнув. – Огромное вам спасибо, что меня с такой помпой вышибли из родного театра!

- Да для очистки совести и спрашиваю, мне вообще фиолетово, - ответил Хронос, почти опустив лицо в блюдо с тушеными овощами. - Сказали гуся послать, я и послал. Вот не знаю только, зачем непременно за прессой было гусей посылать.

Ответить Николай не успел, потому что на шее у него повисла балерина Владимирская, закричав на всю поляну: «Коля, а помнишь, как мы с тобой в «Лебедином» танцевали? Ты даже представить себе не можешь! Мы с Маришей сюда на гусе прилетели!»

- Да что вы говорите? – услышал Николай сзади ернический голосок. – На гусе? Да как такое могло произойти?

Оглянувшись, он опять увидел вместо Хроноса – наглые часики, осторожно вытягивавшие бронзовыми лапками его единственную подушку. К часам с хохотом подбежала дочка Владимирской, пронзительно крикнув Николаю прямо в ухо: «Дядя Коля, у меня теперь две балетные пачки! Я тоже буду в «Лебедином» танцевать!»

Вместе с Владимирской и Маришей прибыла и захваченная по пути Эрато, стоявшая сейчас посреди поляны в полной растерянности. В лунном свете она выглядела почти бесплотной из-за прозрачной короткой комбинации на бретелях, украшенной фестончиками из атласных розочек. К ней подошла нимфа и быстро передела ее в красивое платье с богатой драпировкой, отчего Эрато сразу стала похожа на одну из античных кариатид.

- А вы так часто собираетесь? – с любопытством спросила известная журналистка.

- Нет, только по особым случаям, - ответила Мариша, повиснув на ее ноге. - Обыденное течение жизни было принято прерывать пиром, особенно, накануне новых испытаний!

- Что-то вы сегодня удивительно вежливы, никого в озеро не уронили даже, - тихо сказал часам Николай.

- Так оно ж для лебедушек! – скучным голосом ответили часы и со скрипом прозвонили народную песню.

*Уж не лебедь ходит белая,
По зеленой травке шелковой,
Ходит красна девица душа.*

С появлением Эрато все вокруг до краев наполнилось любовью и страстью, даже темная листва над головой будто дышала пряной поэзией летней ночи. Николай с сожалением подумал, что всегда больше любил философскую лирику, а сейчас, когда душу переполняла светлая печаль о быстротекущем времени, на ум не приходило ни одного подходящего стихотворения, кроме «Если» Киплинга, которое он после увольнения прочел на одной столичной радиостанции. Подслушав его мысли, часики продекламировали басом последние строчки стихотворения.

*И если будешь мерить расстоянье
Секундами, пускаясь в дальний бег, -
Земля - твое, мой мальчик, достоянье!
И более того, ты - человек!*

- Измерять все надо секундами! – довольно подчеркнули часы скрытый смысл стихотворения. - Тогда ты – человек! На английском это звучит немного иначе, более жестко, «ты – мужик!». Сегодня лучше вспоминать те стихи, которые живут только на русском.
- Ничего для такого случая не могу вспомнить, - смущенно признался Николай. - Сейчас Владимирскую увидел, вспомнил ее Царевну Лебедь.

*Месяц под косой блестит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.*

- Ой ты еще Марину Цветаеву прочти, времен Гражданской войны, - проворчали часы, в которых опять просматривался облик грандиозного старца.

- Где лебеди? - А лебеди ушли.
- А вороны? - А вороны - остались.
- Куда ушли? - Куда и журавли.
- Зачем ушли? - Чтоб крылья не достались.

- Сегодня надо отодвинуть заботы на завтра! – обратился Хронос к Николаю. - А завтра будет новый, другой день... Который тоже надо прожить в полную силу! Ведь неизвестно, наступит ли он для тебя! Нельзя откладывать жизнь до завтра, что почему-то с легкостью делают в России с чужими жизнями... А Лебедь в небе не останавливается ни на минуту! Послушай-ка, она уже до Есенина добрались.

Николай обернулся к четырем дамам, но увидел на месте только трех, самая высокая побежала играть в салки с Мариной. А Эвтерпа, протянув руки к Геле и Игнатенко, страстно обнимавшимся за нависшей над берегом ракией, снова декламировала вслух, твердо стоя на отвоенных подушках.

*Руки милой - пара лебедей -
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.*

*Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.*

*Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою.
Только тегеранская луна
Не согреет песни теплотою.*

*Я не знаю, как мне жизнь прожить:
Догореть ли в ласках милой Шаги
Иль под старость трепетно тужить
О прошедшей песенной отваге?*

*У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что - для глаза.
Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Ширази.*

*Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудесней,
Да сгубила пара лебедей.*

Он опять удивился, как природа откликалась на каждую поэтическую строчку. Лицо приятно охлаждал теплый ветер, доносивший до него аромат поздней махровой сирени и грушевой эссенции, которой сатиры кропили огромные подносы с песочными лебедями, обложенными цукатами и клубникой со сливками. И девушки с длинными, певучими руками каждым движением вторили стихам, за которыми таяли любовь, нежность и светлая печать предстоящей разлуки.

- Понятно, - быстро сказала присевшая рядом с ним Эрато. – Ты знаешь, что Игнатенко обвинение предъявили? Провели новую экспертизу по фальшивым бумажкам и предъявили! Значит, черед две недели суд. Они торопятся, чтобы не проводить экспертизу в присутствии Мылина. И от адвокатки Лисицыной ему избавиться не удалось.

- Да, знаю, - ответила ей Владимирская и кивнула в сторону озера. – Вон он! Хотя для принца чуточку низковат, на мой вкус, конечно.

- Принцы бывают разные, - заметила ей Эрато. – Бывают даже толстые и кривоногие. А там кто? Старшие музы? Понятно! А ты Полигимнию не видела?

- Пока нет, - пожала плечами Владимирская.

- Она должна быть здесь! Уж такого она не пропустит! – громко сказала Эрато. – Ты знаешь, она же ездила в Германию, с Мылиным встречалась!

- Да ты что? – удивилась Владимирская.

- А по-моему, это она на скамейке под ивой! Посмотрите! Вся обложена подушками, - показал дамам Николай на плакучую иву, все ветви которой были усыпаны крошечными светлячками. – Давайте подойдем и прямо спросим!

Стоило им втроем подойти к иве, как со всех ее веточек вспорхнуло множество крошечных эльфов с прозрачными крылышками.

- Я знаю, о чем вы меня хотите спросить! – печально и строго сказала им Полигимния вместо приветствия. – Мылина видела, глаза совершенно больные! Мало сказать, глаза у него дикие! На коже ничего не заметно, но сам взгляд даже затравленный! И боится сейчас смотреть на свое отражение, держится за руку Даши, не отпускает. Она пошла, ему воды налить, он мне говорит: «Боже мой, каким уродом я стал!»

- А что-то по записям незаметно, - саркастически заявила Эрато. – Кожа стала ровнее, явно помолодела.

- Да что вы понимаете? – перебила ее Полигимния. – Я ему зеркальце вынула и сказала: «Голубчик вы мой, взгляните на себя! По-моему, замечательно выглядите!» Он вначале потянулся к зеркальцу, а как взглянул, сразу замолчал и больше ни о чем не разговаривал.

- При операциях на глазах двойной наркоз дают: общий и местный, - рассудительно произнесла Владимирская. – А если ему на самом деле столько операций сделали, он теперь до конца жизни ненормальным останется.

- А я на таких встречах уже бывала, лет тридцать назад, - дипломатично перевела тему разговора Полигимния, кивнув в сторону трех муз,

читавших друг другу стихи. – Я никого из этих дам не знаю, да и не уверена, что хочу знать. Тогда от нашего театра была представительная делегация, а там сидели академик Капица в качестве Урании и Михаил Шолохов, он тогда был еще жив. Меня поразило, что трон Клио пустовал. А вот Эвтерпой был хороший композитор, он как раз тогда диск выпустил... Как же давно это было...

Все замолчали, глядя, как Урания с завязанными глазами пытается поймать хохотавшую Марину. Пауза становилась все тягостнее, но говорить ни о чем не хотелось.

- Ну, разве еще пару раз, в самое голодное время в 90-х бывала, но тот стол был пуст, там даже фонарики не зажигали. Грустно было, - продолжила Полигимния. – И никакого шоу на озере ни разу не проводили. А выглядит впечатляюще.

Эрато и Владимирская присели на скамейку с Полигимнией, а Николай, внезапно ощущая какую-то непонятную тоску, сжавшую сердце, решил вернуться на свое место под часами. Он

понял, что стоило ему отойти от дам, беседа их явно оживилась. Ветер донес до него глубокое меццо Полигимнии.

- Я восприняла полет на гусе немного шокирующим, но почти органичным, - сообщила она собеседницам. - Конечно, я не Владимирская, которая Царевну Лебедь исполняла, поэтому для нее это столь же естественно, как сняться обнаженной. Все же в опере только «Рыцарь Лебедя» Лоэнгрин улетает на повозке, в которую запряжены семь белых лебедей. Для вас, балетных, постоянно устраивающих какие-то разборки за партии в «Лебедином озере» - сегодня просто пир души. Но напомним, что я – тезка с Еленой Прекрасной, из-за которой произошла Троянская война, а античный мир узнал эпическую поэму. А Елена появилась из яйца.

- Разве она не родилась в Спарте? – удивленно спросила Владимирская.

- Елена появилась из яйца, которое родила ее мать Леда от любви с Зевсом, - пояснила ей Эрато. – А Зевс явился к жене спартанского царя Тиндарея Леде в виде прекрасного лебедя.

- Наверно, это такая аллегория, означающая возврат к истокам, - задумчиво пророкотала Полигимния. - Ведь известное латинское выражение «ab ovo» - означает «с яйца», вернуться к началу.

- Ничего не понимаю, - повернулся Николай к Хроносу. – Какая-то душевная тяжесть возникла...

- Сейчас пройдет, - сказал Хронос. – Когда мы испытываем моменты полной гармонии, душа страдает от несовершенства мироздания, от хаоса, который вносит в него человек. Символ сегодняшнего празднества гусь – считается порождением хаоса. Но он же его гармонизирует его, придавая ему прекрасную форму. Ты находишься в самом начале нового пути. А это значит, что со многим, к чему ты привык, придется проститься.

- А если я не хочу? Если я не хочу прощаться? – в отчаянии спросил его Николай.

- А это означает, что тебе пришла в голову весьма банальная мысль – остановить время, - ответил Хронос. – Отсюда вытекает и все плохое, что ты успел увидеть за жизнь, что видел за последнее время, что доведется увидеть в будущем – все вносит хаос в размеренное течение жизни. И все – из самого низменного движения души – навсегда убить время!

- Ну, наверное, я очень плохой, - сказал Николай. – Достаточно сделать запрос пресс-службе театра, сразу узнаете, насколько я плох.

- Брось! – рассмеялся Хронос раскатистым смехом. – Ты всегда чутко относился к времени, никогда не тратил его понапрасну, не искал в нем оправдания для себя. Поэтому ты здесь. Но, по-моему, твоя грусть прошла?

- Да, кажется, прошла! – удивился Николай.

- Стоило лишь вспомнить, что ты отнюдь не идеален, - окончательно развеселился Хронос.

- Я ни разу не видел Сфейно, - с сожалением заметил Николай. – И Эвриале так и не появилась.

- С Сфейно встречаться не советую, ответил Хронос. – Весьма экзальтированная, легко воспламеняющаяся особа. А Эвриале... По-моему, она не совсем довольна тем фарсом, в который превратила Каллиопа всю намечавшуюся античную трагедию. Уверен, сидит сейчас где-то рядом и грустит... Не бери в голову! Это пройдет.

- А... так ей не хватило художественных впечатлений от пережитого нами? – растерялся Николай.

- Типа того, - поспешил уйти от прямого ответа Хронос. – Ей показалось все это... довольно пресновато. Никого даже не убили...

- Да что это... Что это такое? – до глубины души удивился Николай.

- И не говори! Хамство какое-то! – поддакнул ему Хронос. – Бытовое разнузданное хамство бессмертного существа, приохотившегося к ярким античным трагедиям. Чтoб только раз – и кровищи по колено... Троянская война – это же прелесть какая-то! Каждый день представление!

- Какая низость! – с чувством воскликнул Николай.

- Только ей не говори, лады? – опасливо оглянулся Хронос.

- У нас над головой – созвездие Лебеда, - показала Урания на небо, когда они с Мариной без сил упали на траву.
 - Где? Где? Я не вижу! – завозилась рядом с ней девочка.
 - Посмотри! – подняла ее пальчик к небу Урания. - Если соединить вон те яркие звездочки, мы получим характерный крестообразный рисунок. По-научному это называется «астеризм» или Северный крест. Созвездие Лебеда вытянуто вдоль Млечного Пути и показывает нам свой, особенный путь! В древности вавилоняне называли Северный Крест «лесной птицей», а арабы - «курицей». Но, прилетев сюда с гусями-лебедями, ты уже никогда не забудешь, что это – Лебедь. А наша путеводная звездочка в его вершине – вон

там.

- А я смогу стать звездой? – тихо поинтересовалась девочка.

- Конечно! – утвердительно сказала Урания. - Надо лишь всегда держать путь на звезду! Вон на ту! Она называется Денеб! Она ярче нашего солнца в десятки тысяч раз! И летом эта звезда является вершиной летнего треугольника.

- А откуда вавилоняне знали о нашем Северном Кресте? – подозрительно спросила девочка. – Они ведь здесь никогда не были!

- Как раз им его было видно зимой, когда лебедь улетал к ним зимовать, - объяснила Урания. - Это одно из самых древних созвездий! Одним из первых оно было включено в каталог звездного неба Клавдия Птолемея «Альмагест» под названием «Птица». Неправильно считать, будто Лебедь над нами - это Зевс, преследующий Леду. Так считать даже аморально! Ведь Зевс был официально женат.

- Отсюда я сделаю выводы, когда подрасту! – серьезно сказала девочка. – Так моя бабушка говорит.

- Так считают лишь недалекие люди, полагающие, будто сильным мира сего позволено выставлять свои пороки напоказ, - назидательно продолжила Урания. - Зевс потому и выбрал образ лебеда, как после принимал облик быка или золотого дождя, что хотел сохранить втайне свою страсть.

- Может быть, это тот зашипанный гусенок, который согласился вернуть Иванушку домой? – наивно предположила девочка.

- Нет, это вряд ли, - пояснила Урания. - В рукописях Евдокса Книдского, жившего в IV веке до нашей эры, описывается, как Фазтон, сын бога Гелиоса, взялся управлять солнечной колесницей своего отца, но не справился и чуть не испепелил землю огненным жаром.

Опасаясь, что Фазтон погубит землю, Зевс поразил его молнией. Из сострадания Аполлон поместил его изображение среди звезд в созвездии Лебеда. А друга Фазтона Кика, погибшего вместе с ним, он превратил в лебеда, который каждую осень уносил его в Гиперборею.

- Так мы летели сюда на Кике? – приподнялась на локте девочка. – Вот здорово!

- Мне ближе другое объяснение значения этого названия, - задумчиво проговорила Урания. - Над нами – истерзанный сын музы Каллиопы Орфей. Его останки были помещены на небо в образе Лебеда недалеко от созвездия Лиры, когда его растерзали вакханки, а мать собрала его останки. И он оказался как раз над Россией, улетая зимой на далекую Родину. Все другие объяснения вытекали, потому что никто не знал, почему Орфей со своей лирой оказался так далеко от Эллады. Но мы-то с тобой теперь знаем, почему так случилось?

- Знаем! – прошептала девочка. – Ой, это же мама!

- Здорово! – рассмеялась Урания.

Зайдя в Лебединое озеро почти по пояс, балерина Владимирская кричала стихи Николая Заболотского, раскинув руки. На берегу бегали встревоженные сатиры и нимфы, пытаясь поймать ее за подол всплывшего одеяния. Оглушительно стрекотали кузнечики и звезды опускались все ниже, будто стараясь заглянуть в темное зеркало воды..

*Сквозь летние сумерки парка
По краю искусственных вод
Красавица, дева, дикарка –
Высокая лебедь плывёт...
Головка ее шелковиста,
И мантия снега белей,
И дивные два аметиста
Мерцают в глазницах у ней.
И светлое льется сиянье
Над белым изгибом спины.
И вся она как изваянье
Приподнятой к небу волны.*

- Идите сюда! Вода теплая! – крикнула музам Владимирская.

Музы пробовали войти за ней в воду, опасливо придерживая подола белоснежных одежд.

- Просто фарс какой-то! – осуждающе сказала с берега женщина, тугие пряди ее волос шевелились на ветру, как живые. – Никакого чувства меры! Никакого осознания особой красоты трагического финала!

Но тут на нее полетели брызги от плескавшейся с Уранией Марины, и она зябко повела плечами, отпрянув от воды.

- Ага, и никто пока даже не утоп! Какая жалость! Но, признаюсь, мне так даже больше нравится, - заявил стоявший рядом с ней Хронос и, подняв бурю визга, брызг и хохота, с шумом бросился в воду.

